

Герман Фальк

Третий Шанс

12+

Герман Фальк
Третий Шанс

«Автор»

2017

Фальк Г.

Третий Шанс / Г. Фальк — «Автор», 2017

Автомеханик Коля Афанасьев из 2007 года попадает почти на сто лет в будущее. Изменились города и деревни, уклад жизни, даже язык. А человеческая история раскручивается по спирали. Волею судеб Коля оказывается втянутым и в политические конфликты, и в религиозное противостояние, и даже в настоящие боевые операции. Ему приходится отвечать на вопросы, которые нам, в наше время, кажутся теоретическими и философскими. Главное же - к герою приходит осознание того, что действительно важно в жизни, и как стоило жить 2007-ом, как нужно жить в любом времени. Эту книгу я писал в 2017-м, когда вирус ещё не разогнал нас по домам из офисов, а в русском языке не было слово "норм". Некоторые из подобных моих предположений о будущем уже сбылись. Посмотрим, что будет дальше)

© Фальк Г., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Герман Фальк

Третий Шанс

Эта книга не о том, как делать в жизни сложный выбор. Она о том, как жить, чтобы выбор состоялся, чтобы было из чего выбирать.

Поначалу я задумывал «Третий шанс» как роман психологический, для медленного чтения. А в итоге получился «экшн», и чем дальше, тем динамичнее. Всё как в реальной жизни, по себе знаю. Когда человек развивается, мир вокруг неизбежно приходит в движение. Именно так: работаешь над собой, а меняется мир вокруг. И препятствия, которые кажутся неизбежными («да куда мне», «вот если бы мне дали возможность»), вдруг сначала ставятся под сомнение, а потом просто превращаются в дым. Невозможное становится простым.

Моему герою в некотором смысле повезло: в его судьбе произошел фантастический перелом. Теперь он вынужден «вытаскивать из пассива» и развивать те качества, которых, как ему показалось бы, задумайся он о том, у него нет. Прежняя обыденная жизнь героя требовала от него немного, а он и не хотел от себя большего. Не нужны были ему тогда ни интеллект, ни благородство, ни смелость, ни способность глубоко чувствовать. Но ситуации, одна другой серьезнее, заставили бывшего простого автослесаря читать книги, заниматься спортом, а потом и совершить подвиг, потому что по-другому было никак нельзя.

Героя моей книги ожидает много испытаний и потерь, но главное его приобретение – острый интерес к жизни.

В рутинной повседневности, без внешнего толчка, выбрать не диван и сериал, а ежедневное развитие собственной личности – такое под силу не каждому. Но, поверьте, оно того стоит. Нужно просто становиться лучше каждый день. И не упускать шансы.

Часть первая

Он даже не заметил, что это была за тачка. Просто окатила из лужи и исчезла за автобусом. Окатила конкретно – моментально промокли и штаны, и кофта, а под ней даже футболка немного. А ещё обиднее, что промокла сигарета, которую только что достал. Коля, не стесняясь, громко ругнулся вслед машине и швырнул дряблую сигарету на тротуар. Достал другую. Зажигалке от лужи не досталось, она была в правом кармане, поэтому раскурилось легко. Короче, в автосервис, где работал, Коля явился злой.

А ещё вот чего. Когда он уже подходил к воротам, прямо перед ним лихо притормозила ярко-красная «четвёрка» «Ауди». Ну, допустим, «пяtilетка», определил Коля на глаз, но всё равно тачила конкретная. А главное – такая девица из неё вышла! Не сказать, что высокая, но фигурка точёная, мини-юбочка, ботфорты... М-м-м... А буфера! Точно не отказался бы. Вон и мужики, кто уже пришёл, все вывалили посмотреть. Мастер Андрюха, само собой, первый подкатил. Разговаривает сразу так типа конкретно, по делу, а сам на жопу всё равно поглядывает. Кобель тоже ещё тот...

Тут мужики заметили и Колю. И заржали, уроды. Коля, мол, говорили тебе, не становись против ветра. Гы-гы, как смешно!

Коля докурил сигарету, попялился на цацу, которая уже что-то вместе с Андрюхой разглядывала под передним крылом (а зачётно нагнулась), и пошёл в раздевалку. В мокрой одежде становилось уже зябко.

Пока переодевался, в раздевалку ввалился Петька в обнимку с термосом.

– Держи, Колька, – Петька, улыбаясь, протянул Коле кружку. – Галка готовит, супер-вещь! Зелёный чай с имбирём, лимоном и мёдом. А то простудишься ещё. И там, это... У «Ауди» этой красной подвеска постукивает, Андрюха её уже на подъёмник загоняет, так что давай, минут через пять подходи, твоя же тема.

И вот так Коля проваландался с «аудиухой» полдня, потом ещё, пока за запчастями ездили, «Фокус» был, тоже подвеска, ещё какой-то ерундой занимался, даже телек в развдевалке посмотреть почти не получилось. Зато у Андрюхи как раз днюха была, и он на обед всех угостил пищей и тортом. Пиво, правда, зажал, но сказал, что в конце дня можно будет, и убрал в холодильник.

Ну, в общем, вот так день и прошёл.

Зато, правда, закончился день шикарно! Во-первых, за «Фокусом» приехал один очкарик... Ладно, про очкарика отдельно. Главное, Андрюхе надо было уходить в шесть, а деваха за «аудиухой» очень просила сегодня ей машину отдать, но приехать могла только после семи, и Андрюха подпряг Колю, чтобы тот отдал машину клиенту. А по факту получилось, что обоим.

Деваха приехала без десяти семь. И как-то так Коля ей мастерски машину на подъёмнике сначала показал, потом так хорошо вместе проехали, что Лариса (так её звали) предложила подвезти Колю до дома, поскольку он и так уже из-за нее задержался. Ну, вообще-то, он, бывает, и до десяти работает, но сегодня как раз график был до шести. Попёрло, короче.

Лариска оказалась классной! Работает каким-то там где-то маркетингом, на «аудиуху» сама заработала, в кредит, правда. Весёлая такая. До Кузьминок ехали час, и она всю дорогу чего-то щебетала, Коля не успевал слово вставить. А чего? Он на себя в зеркало перед выездом посмотрел – очень даже. Рост метр восемьдесят, волосы зачёсаны назад, плечи широкие... Живот, правда, уже приходится втягивать, но в кофте навывпуск почти незаметно. И вообще, девушки Коле часто улыбаются, с некоторыми даже можно замутить, если место найти. Не совсем за так, конечно, получается, им же всё равно цветочки-шампусик надо, а то как-то нехорошо. Телефон Лариса, правда, не оставила, но зато Колин записала.

А пока он её ждал, как раз приехал очкарик за «Фокусом». Коля сидел на скамейке у сервиса и пил пиво. Достал пачку, но сигареты, как оказалось, закончились. Тут и материализовался этот ботан. Неожиданно как-то возник. Сел рядом, протянул пачку. Коля взял сигарету, потом очкарик вытащил себе. Закурили.

– Пива хочешь? – спросил Коля.

– За рулём, – очкарик вздохнул. – А так-то коньячку бы с удовольствием. У нашего профессора на кафедре целый шкаф коньяка. Пациенты ташат.

– Может, чаю?

– Угу, – кивнул очкарик, – это можно, спасибо.

Коля быстро сбегал в подсобку, слава богу, чайник только вскипел, получилось быстро. Закурили ещё по одной.

– Тяжёлый день был? – спросил Коля.

Очкарик кивнул.

– Чем занимаешься-то?

– Да, – очкарик махнул рукой, – в НИИ одном. Проблемами мозга занимаемся. Сложная это, Николай, штука.

Коля вздрогнул: он же вроде имени своего ботану не говорил. Очкарик усмехнулся и жестом указал на бейджик на Колиной робе.

– Кеша, – весело представился он и протянул Коле руку.

Ну, вот так и познакомились. Вообще-то к интеллигентам Колю не тянуло, нудные они. Но Кеша вроде как ничего был. Молодой ещё, лет двадцать с небольшим, не испорченный. И ездит вон на старом «Фокусе», не избалованный. Не то, что эти, бывают, которые типа из «золотой молодёжи». Конечно, дети олигархов в их сервис не заезжают, зато у тех, кому папы купили подержанные «Мерсы», понтов на сотню олигархов хватит.

– Ну да... Замудрёная штука мозг, – согласился Коля. – И что, ваш профессор сильно вас гоняет?

– Да нет, – Кеша пожал плечами, – сами себя гоняем. Трое суток не спал, а пролетели как час, – он чуть наклонился к Коле и тихо произнёс: – Готовим эксперимент по полному сканированию мозга.

Коля хотел спросить: «Это как?». Но произнес другое:

– Зачем?

– Представь: содержание мозга можно записать в компьютер, а потом полностью восстановить, например, в другом теле! Допустим, человек смертельно болен, а его сознание переносится в тело здоровое...

– Типа как в компьютерной игре «сохраниться»?

Кеша внимательно посмотрел на собеседника.

– А вот такая аналогия мне в голову не приходила... Хотя, да! Например, солдат при выполнении смертельно опасной миссии... или разведчик, раздобывший ценную информацию...

О-о-о... Да его сейчас понесёт! Фанатик, что тут скажешь. Ботаник-фанатик.

– И чё, кому-то так мозг пересадили уже?

Кеша, который уже было воодушевился своими фантазиями, как-то ошалело посмотрел на Колю и отрицательно покачал головой.

– Нет пока. Сегодня только ещё аппарат для сканирования настроили. Потом ещё сканировать, исследовать результаты... Да и до технологий переноса ещё как до Луны. В компьютере бы для начала мыслеобразы распознать. – И вдруг он посмотрел на Колю, будто бы первый раз увидел: – Не хочешь поучаствовать в эксперименте?

– Чё? – Коля сначала немного опешил, но сразу же сообразил: – А-а, типа в моих мозгах покопаться?

– Как хочешь, – Кеша пожал плечами и усмехнулся. – В принципе, найдём мозги для эксперимента. Даже бесплатно.

– В смысле, а вы...

– Ну да, – Кеша наклонился к Коле почти вплотную и тихо, со значением, проговорил: – Бюджет на исследования выделили просто шикарный! Ты за сканирование тысяч десять мог бы получить.

Вот тут Коля офонарел. Половину месячной зарплаты за...

– Так, Кеша, давай ещё раз. Вы там электроды в мозги совать будете?

Кеша рассмеялся.

– Да ну, что ты, нет, конечно! Просто такой шлем с проводами на голову наденут, и минуту сидеть неподвижно надо будет. И всё.

И Коля согласился. Договорились на утро завтрашнего дня, чтоб не передумали, хотя Коля всё равно боялся, что за такие бабосы своих подгонят, а ему откажут. Кеша оставил адрес, где сканировать будут, написал свой телефон и укатил.

Потом приехала Лариса за тачкой своей, ну так, в общем, и день к концу подошёл. А с Лариской было классно! Весёлая, лёгкая! И ножки, конечно, супер, и всё остальное. Жаль даже, что доехали всего за час, так бы и катался с ней. Пошутил ещё в конце: «Ну что, ещё кружок?». Но она там с какой-то подружкой встречалась, короче, оставил ей свой телефон и пригласил в кафе. Вот, кстати, Кешина десяточка и пригодится. Гульнуть можно так, что потом приятное продолжение вечера практически в кармане!

Когда пришёл домой, «Поле чудес» уже закончилось, да и хрен с ним. На кухне по телеку уже шла программа «Время», или как там она теперь называется. Аня, жена, была домашнем халате, ну, такой не длинный, но и не сильно короткий, так, коленки чуть прикрывает. Она чмокнула Колю в губы, а он ущипнул жену за попу. «А ничего у меня Анька-то! Ещё даже очень! Но, как говорят, жена – это хлеб, но иногда можно и булочками побаловаться».

Машка сидела в большой комнате и смотрела мультик по видеку. Жили они в «двушке», поэтому большая комната была и их с Анькой спальней, и гостей в ней принимали, ну и так, когда все вместе, в ней тусили.

– Эй! – весело прикрикнул он. – А ну марш отца встречать!

– Папа! – закричала Машка, не отрываясь от телевизора. – А мне три годика!

О как! «Р» научилась выговаривать. Аня улыбнулась, заглядевшись на дочку, а Коля пошёл переодеваться.

– Есть будешь? Фу-у... Опять пиво пил?

– Да я чуть-чуть, Аньк! – Коля выпалил это машинально, но, если по-чесноку, то без зазрения совести. – У Андрюхи днюха сегодня, ну мы, короче, после смены... Но только пива!

– Да ладно, – Анька махнула рукой, – всё ясно с тобой.

Но видно было, что не сердится. Ну, а чего, не пьяный же пришёл. Анька отправилась на кухню собирать на стол, бросив на ходу: «Хоть с дочкой посиди». А чего с ней сидеть-то? Вон она, в телек уставилась, хоть хлопущки над ухом хлопай, даже не заметит. А всякие там поиграть или «позаниматься с ребёнком» Коля даже не знал, как. Да и вообще, в садике они и играют, и занимаются, а тут пусть хоть дома мультики свои посмотрит. И вообще спать ей пора.

Коля вошёл на кухню и уселся на табуретку. На сковородке шкворчала жареная картошка, Анька помешивала в кастрюле суп, который сварила на завтра и послезавтра. По телевизору начинались новости. Коля взял было пульт, чтобы сделать погромче, но Анька вдруг сказала:

– Сегодня на Машку отличные резиновые сапоги видела, – она вздохнула. – Три тыщи.

– И чё, не купила?

– Ну... – Аня замаялась. – Если ничего больше не найду, то эти... Дорого, конечно, но они правда суперские.

– Я принесу завтра пять тыщ, – вдруг неожиданно для себя самого выпалил Коля. – Так что иди и покупай.

– Халтуру, что ли, нашёл? – спросила Аня, не поворачиваясь. – Совсем поздно завтра придёшь?

Вот кто его за язык тянул? Мог бы... Да, хотя, чего, с Лариской и на пять штук в рестик загусить можно, ну, и потом, она же пока ещё не позвонила, может, вообще не позвонит, а тут семья, сапоги для ребёнка, всё такое... И тут Коля опять сам себя удивил.

– Вообще-то они там десятку обещали, если всё хорошо пройдёт, – бросил он небрежно. Аня обернулась, лицо её стало испуганным.

– Ко-оль... – протянула она. – Это кто такие «они»?

– Ну, там, один очкарик сегодня приезжал, они, в общем, мозги исследуют. Ну, короче, и предложили мой мозг сфотографировать за десятку. Говорит, бабла им немеряно на эксперимент дали, ну вот...

– Десять тысяч?!

Коля небрежно кивнул.

– Коля! – воскликнула Аня. – Ты понимаешь, что такие деньги за просто так не предлагают?! Что ж очкарик сам себе мозги за такие деньги не сфотографирует?! Коля, это разводка какая-то. Мы сапожки-то так как-нибудь справим...

Ну, и там больше пошёл прогон, что, мол, если бы всем такие деньги раздавали за тупо «сфотографироваться», то они бы давно своих родственников натащили, что это точно либо разводка, либо там что-то опасное, про рак мозга и всё такое. И никакие там уверения, что, мол, я сначала всё проверю, – ну никак. Ни в какуюю.

* * *

А утром Коля отправился в НИИ.

Было страшно. Всю ночь он не спал, ворочался. Анькины слова про рак мозга не шли из головы, ну, и нафантазировал разного. Но как представлял, что они на десятку покупают сапоги Машке, а потом Аньке... Не, на эти деньги приличные сапоги можно взять, ещё на погулять останется. А что потом ещё от рестика останется, Коля Аньке отдаст. Типа в семейный бюджет. Ну, и вот с этими фантазиями страшилки про рак мозга как-то на второй план задвигались. В общем, до полшестого Коля промаялся без сна, потом встал, побрился и поехал. Даже есть не хотелось.

Аня только просыпалась, когда он уходил. А Машка дрыхла, высунув из-под одеяла ногу... И так смешно волосы по подушке раскидались, Коля аж умилился. Подошёл, поцеловал дочку в щёку, тихо сказал Ане: «Пока». И быстро ушёл.

Нет, волновался всё-таки. Попытался про Ларису подумать, но не думалось. И про рак мозга не думалось, и вообще ни про что. Только страшно стало, аж накрыло.

Ну, а дальше приехал в этот НИИ, набрал внутренний номер Кеша. Тот через пять минут спустился. Покурил, пока Кешу ждал, два раза. Потом ещё вместе покурили.

А потом потащил его Кеша к одному врачу, к другому врачу, то-сё, ухо-горло-нос, при-сядьте-прилягте, достаньте нос кончиком пальца, короче, как в военкомате. Так закрутили, Коля даже отпотел немного. А потом обрили. Реально, наголо. Типа, чтобы электроды плотно прилегали.

Как врачи закончились, Кеша привёл его в комнату, там были ещё двое таких же очкариков и лысенький мужичок в белом халате. Профессор, наверное, тот самый. В общем, у Коли опять сердце в пятки, уже ничего не соображал, лишь бы быстрее. Видеокамеру ещё поставили! Да ну, жалко, что ли, наоборот, свидетельства останутся, если что, надо только под каким-нибудь предлогом копию потом попросить плёночки-то.

А они, как назло, чего-то ещё тянули. И между собой что-то там перетирали, с Колей не разговаривали совсем. Даже как-то момента не было, чтобы спросить про рак мозга. Ну, там, ручки крутили, на приборах что-то настраивали, на компьютерах таблицы гоняли. Пока то да сё, один очкарик попросил Колин паспорт, переписал данные в какой-то бланк, потом велел расписаться и (вот оно круто!) сказал, что сразу потом проводит его в кассу, где Коле дадут десять тысяч. Ну как же, всё официально, не шарашкина контора! В бланке, правда, Коля увидел сумму чуть больше, но очкарик что-то там пробухтел про подходящий, а потом Кеша потащил Колю к приборам, и Коля напрочь забыл про ведомость и про налог. Быстрее бы всё закончилось, чтобы получить свою десятку и валить отсюда. Завтра у Коли выходной, поведёт семью покупать сапоги.

За мыслями о сапогах он даже не заметил, как его усадили в кресло, бритую башку намазали каким-то гелем, налепили присосок, потом сверху стала опускаться... Ну вот откуда в голове это слово вдруг всплыло! – полусфера.

И... как бы сказать, не засыпал... Хотя, нет... В последний момент Коля поймал на себе взгляд Кеша. Пронзительный и... добрый что ли... А потом как будто этот взгляд замутнился на секунду. Хотя до этого, вроде, тряхануло, как от удара током, но больно не было. Наоборот, лёгкость какая-то в теле появилась, захотелось вскочить и попрыгать, размяться. Коля поворачивался в кресле. Волосы на голове? Обрили же, вроде... Или в мозгах всё же покопались? И вот тут как бы должно стать страшно, но мысли просто путались. Ну, не в коме же он... Хотя чёрт знает, что у этих медиков-экспериментаторов... А страшно так и не делалось.

Коля сфокусировал зрение.

Перед ним стоял... дедушка Кеша? Те же черты лица, тот же взгляд, что и секунду назад. Только стал старенький, как будто ему сто лет, не меньше. Очки в оправе такой толстой, сейчас, вроде, уже не носят такие. Из-за его спины выглядывала девушка. Очень красивая! Высокая,

черты лица такие хорошие, русские... А, вот правильное слово: утончённые. Тёмные волосы и стрижка каре такая аккуратненькая. Чуть поодаль внутри висящих в воздухе графиков топтался высокий парень типа очкарик, только без очков. И все в белых халатах. Стоп, Коля. Какие ещё «висящие графики»?

Но графики просто высвечивались прямо в воздухе. А в комнате изменилось... всё! Другая мебель, другое... всё! И были-то они в НИИ на восьмом, кажется, этаже, а здесь прямо за стеклянными стенами начиналась лужайка, а за ней блестела широченная река.

– Это что за перестановочки? – пробормотал Коля.

– Ну, здравствуй, – сказал дедок, чётко выговаривая каждое слово. – Сто лет не виделась.

– Профессор, – подала голос девушка, – ему, может, поспать? Или, может, наоборот, взбодрить?

«Ох, щас встану и всех тут взбодрю!» – подумал Коля, но сказать ничего не успел, потому что стоящее у стола кресло бесшумно подъехало точно под задницу деду, и тот, даже не оглянувшись, присел.

– Добро пожаловать в будущее, Коля, – проговорил дед-профессор.

– Куда?! – Коля ошалело блуждал взглядом по комнате. – А где Кеша? – спросил он уже дрожащим голосом.

Дед усмехнулся.

– Эх... давно меня так не называли. Нынче-то всё больше Иннокентием Аристарховичем. Сейчас две тысячи девяносто восьмой год, Коля, и мне уже сто пятнадцать.

Кресло с бабушкой подъехало вплотную. Профессор посмотрел на Колю, как тогда в НИИ, пронзительно и по-доброму, только теперь в его глазах была ещё и... как же правильно сказать... Столетняя усталость.

– Предвосхищаю твой вопрос: мы не перенесли тебя в будущее. Мы отсканировали твой мозг, взяли образцы тканей и сохранили данные. А сейчас, под конец века, когда появились технологии, мы восстановили тебя здесь. Тот Коля, из две тысячи шестого, получил свои десять тысяч и отправился домой. И на следующий день купил дочке и жене сапоги.

«Ой, откуда они про сапоги знают...»

– Нет, – бабушка Кеша засмеялся, – не копались мы в твоих мозгах. Просто созванивались и много раз виделись после сканирования. Я у тебя ещё лет десять потом свои машины ремонтировал. Хотя, чтобы нагляднее было...

Вдруг окна плавно затемнились (вот просто так стёкла почернели), и посреди комнаты появилось кино. Так же, как графики, – из ниоткуда, трёхмерное. Вот Коля с бритой башкой садится в кресло... молодой Кеша прикрепляет на голову присоски... на голову опускается полусфера... и дальше минуты две никто не шевелится... А потом полусфера поднимается, все пожимают Коле руку, и он вместе с Кешей выходит из поля зрения камеры.

Следующий кадр, уже со звуком. Та же комната в НИИ. Тот же Коля, только на голове уже «ёжик». Тот же молодой Кеша.

– Здравствуй, Коля! – Кеша радостно улыбается. – Как дела?

Коля равнодушно пожимает плечами:

– Да нормально всё.

– Когда мы делали сканирование мозга, помнишь?

– Ну да, – кивает Коля, – на той неделе в пятницу.

– Как себя чувствуешь?

– Да, Кеш, нормально я себя чувствую! – видно было, что Коле эти разговоры очень скучны. Ну, а чего там спрашивать – сфотографировали мозги, честно заработанное выдали, всё нормально, разошлись.

Кино исчезло, а стёкла опять стали прозрачными.

– Ну вот так, Коля. Этой записи девяносто два года. Мы её обработали, конечно... Ой, прости, не представил моих ассистентов. Милена и Ли Сы.

Коля, засмотревшийся было на девушку, сделавшую лёгкий реверанс, повернул голову к парню, затерявшемуся среди графиков.

– Ли кто?! Типа китаец?

Парень улыбнулся и спокойно пояснил:

– Так звали папиного боевого товарища. И когда я родился, ещё не сошла на нет мода китайские имена давать.

– Мода давать китайские имена? – ошарашенно переспросил Коля.

Ли Сы открыл было рот, чтобы, наверное, пояснить что-то по моды, но дедушка Кеша быстро его перебил:

– Вот что, Коля, давай-ка ты тут немного обживёшься, привыкнешь к новому для тебя миру, а дальше посмотрим, что да как. Миленочка, можно вас попросить: покажите молодому человеку, во что мир превратился за время его вынужденного отсутствия. А я, с вашего позволения, вернусь через пару дней, ну и дальше, как говаривали в наше время «будем посмотреть».

Дедок бодро вскочил с кресла, пожал ошалевшему Коле руку и вышел из комнаты, а кресло откатилось обратно к столу.

Коля тоже поднялся на ноги.

Милена стояла, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, смотрела на Колю и улыбалась. А халатик-то не сильно длинный, наконец, заметил Коля, и ножки... Да что там, идеальные! Ну, и всё остальное тоже супер. А Ли Сы продолжал бродить среди графиков. Ну чего ему тут упёрлось? Дедушка же сказал чёрным по белому – Милена покажет, а ты гуляй, очкарик без очков. Или это типа уже ревность?

– Николай, – подала голос Милена, не меняя позы, – прогуляемся?

– Давай, – откликнулся Коля, – веди.

Милена кивнула и, не говоря ни слова, направилась к выходу. Коля попёрся за ней, не отрывая взгляда от её попы. Реально зачётная девочка! Спасибо, дедушка!

Они прошли по коридору, по лестнице поднялись на второй этаж, Коля даже немного запыхался.

– Иннокентий Аристархович здесь всё обустроил, как он говорит, по-старому. Поэтому лестница обычная.

– А бывает необычная?

– Вообще-то везде... как это в ваше время называлось... что-то похожее на... а, вот! *Эскалаторы*. И перестаньте заглядывать мне под халат!

– Да я это... – Коля смутился. – А у вас в будущем что, глаза на затылке?

Милена вздохнула.

– Не смотрела я. А что, угадала? Вы просто в точности такой, как описал Иннокентий Аристархович, – и она засмеялась.

Они подошли к двери, Милена легко ее толкнула, и та открылась... Кстати, тут совсем не было дверных ручек.

– Проходите, Николай, это на ближайшее время ваша комната.

Коля вошёл, огляделся. Ну... комната как комната... Круглый стол, несколько кресел на колёсиках, дверь поуже, наверное, в ванную. Деревянное всё... Ну, ничего так...

– А где телек и кровать?

– Простите?

– Ну... телевизор. Кино смотреть там, новости... А кровать...

– А-а, – Милена опять засмеялась, – простите. Телевизор есть, просто никогда не слышала слова «телек». Смешно. Можно, тоже буду использовать? А кровать трансформируется из кресел, когда понадобится.

– И это, – спросил Коля, осмелев, – как сделать, чтобы стул под жопу подъезжал, как у дедушки Кеши?

И осёкся. Всё-таки с ним приличная девушка, а он – «жопа». Фильтровать базар надо. Но не извинился.

– Провода в мозги придется вставить, – спокойно, но с явной иронией ответила Милена, и, видя Колино замешательство, добавила: – Позже объясню.

Она сделала паузу, а потом задумчиво проговорила:

– Значит, кино хотите посмотреть? Может, так и лучше будет... Клин клином, а стресс стрессом... – И, повернувшись в угол комнаты, скомандовала: – Последний фильм о Джеймсе Бонде, пси-уровень два.

– Может, нашатыря принести? Или просто по щекам нашлёпать?

Фильм уже закончился минут пять как, а Коля всё ещё сидел в кресле, вцепившись в подлокотники побелевшими от напряжения пальцами. Это было... охрененно. Он затруднялся подобрать правильное определение того, что он только что видел... И дело было не только в незнакомых ему типах транспорта или оружия. Гляделось-то как банальная фантастика от больного умом сценариста. И не в скорости, с которой герои думали, принимали решения, говорили и просто двигались. Он не смотрел на экран, он был внутри действия! События происходили перед ним, за ним, над и под, граната взорвалась у самых его ног, он падал с огромной высоты, его выбрасывало в открытый космос, и тогда у него перехватывало дыхание... Ему было страшно и смешно, интересно и скучно, он чувствовал то возбуждение, то усталость так, как будто это были его собственные переживания!

– Впечатлило? – с улыбкой поинтересовалась Милена. – Ну, давайте, уже приходите в себя. А то правда нашатыря понюхать дам, – произнесла она с шутливой угрозой. – Просто это технологии, которых в ваше время не было. Это не только объемное изображение, главное – воздействие на мозг. Правильно модулированные электромагнитные и акустические волны заставляют вас испытывать эмоции, ярче воспринимать звуки и даже чувствовать запахи, а еще они воздействуют на вестибулярный аппарат. Отсюда реалистичность переживаний. Поэтому современные фильмы обычно длятся от сорока минут до часа, иначе будет слишком большая нагрузка на психику и вообще на организм, – Милена сделала паузу и вздохнула. – Иннокентий Аристархович говорит, что в наше время всё происходит на высокой скорости, а в ваше время всё спокойнее было.

Коля пожал плечами.

– Да у кого как насчёт спокойствия. У кого карманы от денег не закрываются, им, наверное, спокойно... Хотя, к нам на сервис, бывает, такие приезжают, вот вроде думаешь – ну, мужик, ну, у тебя ж всё вообще зашибись, тачка крутая, девка рядом нормальная, без закидочков, работа, все дела... А он всё чё-то дёргается. Да и Кеша сам, я его всего пару раз видел, но он впечатление спокойного не производил.

Милена ничего не ответила, просто покачала головой.

Опаньки! Коля вдруг сообразил: он про сервис рассказывает так, будто все еще там работает. Будто у него вроде как экскурсия в будущее. «Я чё, старый сейчас?» – вдруг пронеслось у него в голове. Но артрита и подагры вроде не ощущается, руки-ноги – все нормально. «Коля не тормоз, просто Коля в шоке», – сказал он сам себе, может быть, и вслух.

Милена теперь была одета в нежно-желтое платье с рукавами по локоть и свободной юбкой чуть ниже колена, и в лёгкие сандалии. Охренеть сексуально! Коля прямо-таки почувствовал, насколько.

– Может быть, прогуляемся? – прервала его размышления Милена, наверняка, правильно расценив его блуждающий взгляд. – И поужинаем.

Коля хотел было посмотреть на часы, но часов на запястье не оказалось.

– Ваш хронометр мы не стали восстанавливать, – пояснила Милена. – По правде сказать, и с одеждой-то не так просто получилось. Но Иннокентий Аристархович попытался подобрать что-то близкое к тому, в чём вы были во время сканирования. Задолго готовился – когда я пришла сюда работать пять лет назад, весь гардероб для вас уже была пошит.

Лишь сейчас Коля обратил внимание на то, во что был одет. Кофта, джинсы, куртка – всё выглядело как тогда, когда он пришёл в НИИ к Кеше. Но только теперь он вдруг заметил, что всё какое-то... удобное, что ли. Даже кроссовки были как по мерке сшиты.

И ещё он понял, что, наконец, начинает верить в то, что всё по-настоящему.

Они спустились по лестнице и вышли наружу. Здание при взгляде извне оказалось трёхэтажным кирпичным особняком, стоявшим неподалёку от широкой реки. Первый этаж был полностью застеклён, а на втором была огромная веранда, тоже с окнами от пола до потолка. Каких-либо серьёзных строений вокруг не наблюдалось, только лужайка, лес и река. И людей почти не было, лишь Ли Сы и ещё один мужик лет пятидесяти беседовали за столиком, накрытым прямо у реки, да возился лодочник у небольшого причала, к которому были пришвартованы две небольшие яхты и три вёсельные лодки.

Река была очень широкой. Очень. По ней, немного покачиваясь, шла красивая белая яхта с поднятыми парусами.

Откуда-то из леса поднялся необычный серебристо-голубой вертолёт. Коля уже догадался, что будет дальше. Это же пинг! В жизни он был похож на каплевидный микроавтобус с короткими крылышками на крыше, на каждом крылышке вращался небольшой винт. Пинг поднялся практически бесшумно, слышался лишь тихий шелест лопастей. Потом крылышки стали шире и вытянулись, винты поменяли угол наклона так, что вертолёт превратился в самолёт, а потом он поднялся ещё выше, винты совсем спрятались, крылья вытянулись ещё, и аппарат заскользил по небу, как планер. Коля провожал его взглядом, пока тот не скрылся за деревьями.

Конечно, в фильме он увидел много таких штукосов, а привычных ему машин и автобусов там не было совсем. Но теперь он наблюдал пинг вживую и испытывал уже не шок, а... как бы сказать... Коле было красиво.

– На лодке грести умеете? – вдруг спросила Милена.

Коля неуверенно кивнул.

– Мил, давай на «ты», а? Ладно? А на лодке... ну-у... можно попробовать. А она что, вообще без мотора? Ой! – вдруг спохватился Коля. – А мы вообще где? Это ж не Москва!

– Уже заметили? То есть, – Милена рассмеялась, – заметил. Вообще-то у нас так быстро на «ты» переходить не принято... Но Иннокентий Аристархович предупредил...

– Что он ещё предупредил? – буркнул Коля, немного даже обидевшись, рассердившись.

– Предупредил, что культурный...

– Стой. Я чё, бескультурный, что ли, по-вашему?

– Николай... Коля... – Милена взяла его за локоть. – Позволь договорить. Культура вашего времени и нашего разная. Сейчас, в конце двадцать первого века, обращения на «ты» не так распространены, как девяносто лет назад. Но – давай попробуем, – и она мягко улыбнулась.

Вообще, заметил Коля, она часто улыбалась, и каждый раз это было без рисовок, в тему. Тут Коля немного напрягся. Как-то не вписывались слова «типа», «чё», «охренеть» и что там он ещё нёс, в идиллическую картинку счастливого будущего с продвинутой культурой. Ладно, разберёмся.

Тем временем они достигли причала. Милена прошла чуть вперёд, приветливо кивнула лодочнику.

– Ну что, молодой человек, – она остановилась у одной лодки и обернулась к Коле, – прокатите девушку?

– А что, они сами не ездят? – усмехнулся Коля. Хотел, чтобы получилось ненапряжно, но вышло немного нервно. – Обязательно гребсти надо?

– Да! – Милена уверенно кивнула, тряхнув своим каре. – Надо *гребсти*. Здесь всё по-старому, как в твоё время и тысячу лет до того.

И Милена, не дожидаясь, когда Коля поможет, легко, почти невесомо вскочила в лодку и пристроилась на банке¹ на корме. Коля уже даже не помнил, когда садился на вёсла, и потому, пока забирался, пока устраивался, пока укреплял вёсла в уключинах, несколько раз чуть было не перевернул лодку. Милена только улыбалась, лишь один раз весело взвизгнула, прикрыв ладошкой рот.

Кое-как Коля догрёб, ну, конечно, не до середины реки, но уже на какое-то более или менее прилично расстояние от берега. Пока он разобрался, что и как делать с вёслами («ща, момент, я просто давно на лодке не катался, надо вспомнить, чё тут к чему»), пока приноровился не бить бессмысленно по воде и не шарохать брызгами, пока понял, как разворачивать и направлять лодку, прошло, наверное, полчаса.

– Красиво здесь, – вдруг сказала Милена, которая всё время до этого молчала, и Коля истолковал это как сигнал, что можно немного отдохнуть. Он уложил вёсла на скобы и откинулся на банке, ухватившись руками за борта и потягиваясь всем телом. Милена смотрела то по сторонам, то на Колю, впрочем, не задерживая на нём взгляд. – Красиво, – повторила она. – Уже пять лет здесь работаю, всё никак не могу привыкнуть.

– А нихреновая у тебя работа, – Коля заулыбался. – С мужиками кино смотреть да на лодочке кататься.

Уже сказав это, Коля вдруг сообразил, какую пошлость он сейчас выдал, но Милена как будто не заметила.

– Я и без мужиков могу, – спокойно проговорила она. – И с мужиками.

Коля чуть было не ляпнул очередную глупость, которая уже почти сорвалась с языка (девушка Коле определённо нравилась, поэтому любое упоминание о мужчине рядом с ней он уже воспринимал лично), но метрах в ста от них прямо из-под воды появилось нечто серебристое и каплевидное. А потом, как Коля уже видел в кино, каплевидное превратилось сначала в вертолёт, потом в самолёт, потом в планер и скрылось за деревьями.

Милена проследила за Колиным взглядом.

– Нравится? Если будешь хорошо себя вести, покатаемся как-нибудь. Можем в Москву съездить.

Коля, как смог, нахмурился.

– Ага. Воспитательница нашлась!

Милена ничего не сказала, пожала плечами и отвернулась.

– Ми-ил, – протянул Коля, – не обижайся. Расскажи о себе лучше.

Она вздохнула.

– Ну ладно. Сегодня не обижаюсь, но завтра в подобной ситуации уже буду. Давай уж к берегу, а то смеркается. За ужином ещё поговорим, если хочешь.

Кое-как Коля догрёб до пристани, руки уже просто отваливались и попа от долгого ёрзания по деревянной лавке гудела. Милена отправила его принять в душ и одеться к ужину, а сама упорхнула. И ещё сказала, что Иннокентий Аристархович здесь всё сохранил «по-старому», поэтому Коле всё придётся делать вручную. Коля ухмыльнулся, мол, что подделаешь, он и так всю жизнь всё вручную. Зато в холодильнике его дождалось немного холодного пива, а после ужина и на ночь можно даже по сигарете.

Сигареты! Ох, как его унесло-то, он и не заметил, как хочется курить!

¹ Скамья в лодке

Коля вошёл в свою комнату и плюхнулся в кресло. Было удобно, да кресло ещё как-то само подстроилось под него...

Ну что тут скажешь... Шок! Но, надо сказать, всё круто! Как ни странно, в то, что он в будущем, поверилось легко. И молодой, а не дряхлый старикашка. И Милка такая девка зачётная! Ну и нос от него не воротит. Конечно! У неё ж тут вокруг одни аспиранты, а он такой нормальный, типа мужик настоящий, тем более, из прошлого, экзотика. Может, и выгорит чего.

В холодильнике и вправду, помимо воды и соков, оказался небольшой бокал пива, совсем бокальчик. Коля радостно, жадно глотая, осушил его и направился в ванную.

Он с необъяснимым для себя удовольствием поплескался в душе, а ведь не любил никогда, бывало, по несколько дней старался туда не заглядывать, ну, если не сильно потел. А в шкафу обнаружился целый гардероб, и вся одежда была точно по Колиным меркам! Он выбрал светлые брюки, синий пиджак, голубую сорочку и коричневые туфли. Так примерно один мужик одевался, который к ним сервис на двадцатилетнем «Бентли» приезжал.

Столик был накрыт прямо на берегу. Честно говоря, Коля за временем не следил, и когда пришёл, начинался закат. Милена была уже здесь, она прохаживалась вдоль кромки воды, и она была... она была прекрасна! Все эротические фантазии отошли на второй план, и Коля ощутил давно забытое чувство чистой романтики. Темно-синее платье Милены не было обтягивающим, не было коротким, но прекрасно подчёркивало идеальную фигуру, и жесты её... Коля вдруг отметил, что все её жесты были быстрыми и точными, и они были такими и сейчас, но он вдруг увидел, какие они... Какая она вся мягкая и женственная.

У ног девушки крутился щенок непонятно какой породы, но такой, немаленький. Когда вырастет, будет здоровенный пёс. Щенок подбегал к воде и тут же отпрыгивал от набегающей волны, смешно трясся мордахой.

«А ведь я, наверное, минут сорок в кресле балдел да в ванной плескался. А то и больше», – подумал Коля. Он ожидал, что Милена как-то фыркнет про опоздание, но она лишь обернулась к нему и мило улыбнулась.

– Сегодня я угощаю, – она указала жестом на стол. – Борщ сама варила, оливье тоже сама делала... Горячее только не успела, наш повар Фёдор Пекинович готовил.

– Пекинович?

– Ну да, Пекинович. Родителям его папы китайские имена никак не нравились, никакие, вот в честь столицы Китая назвали.

– Чёрт те чё! – Коля по-доброму рассмеялся и плюхнулся на стул. Милена удивлённо вскинула бровь, но потом вздохнула и опустилась на стул напротив. Блин! Сначала же дама садится! Но подумал об этом Коля запоздало.

– Ну что, молодой человек, позвольте предложить вам оливье? Всё из натуральных продуктов! – и Милена положила на тарелку перед Колей немного салата. Она взяла было бутылку вина, которое уже «дышало» (откуда ж вспомнилось-то?) на столике, но Коля мягко и многозначительно перехватил её запястье и степенно разлил немного вина по бокалам.

– Ну-у... – протянул Коля.

– За встречу! – Милена быстро закончила его мысль и легко, почти беззвучно, коснулась его бокала своим.

Оливье оказался бесподобным! Лишь теперь Коля понял, как проголодался.

– Мил, – Коля старался не говорить с полным ртом, но не получалось, – а что значит «натуральные продукты»? У вас, что ли, ещё искусственные есть?

– Да, в основном только они и есть, – кивнула девушка. – Натуральные продукты дорогие, а из синтезаторов выходит вкусно, питательно и недорого. Иннокентий Аристархович говорит: «Как в «Макдональдсе» раньше». С удовольствием тот «Макдональдс» вспоминает. Завтрак у

нас с тобой... – Она чуть запнулась. – Если захочешь вместе завтракать, конечно... Завтрак будет тоже натуральный, омлет из настоящих яиц.

– Ми-ил... – неожиданно для себя протянул Коля, – а хочешь, я сам яичницу завтра пожарю? С колбасой!

Милена рассмеялась.

– Подожди, Коля, освойся здесь для начала.

Ну что значит «освойся»? Коля решил больше пока не задумываться.

– Мил, а как в домах, где всё не «по-старому»?

– Сам дом делает то, что ты ему скажешь. Можешь сказать пива подать или даже сигарету прикурить, можешь скомандовать кресла в кровать трансформировать, можешь завтрак себе заказать, и будет накрыто к тому времени, когда скажешь... Такси вызвать... Пальто на пол бросить и велеть убрать в шкаф... Кстати, и говорить необязательно, дома и многие другие вещи мыслеобразами управляются, – последние слова Милена произнесла почти с гордостью. – Как раз наш НИИ эту технологию развивал.

– Мыслеобразов?

– Да, мыслеобразов. Например, заходишь ты в душ, говоришь ему: теплее-холоднее, выше-ниже, со всех сторон, сильнее-слабее и так далее, а душ считывает активность префронтальной коры... Если не углубляться в детали, душ ловит импульсы мозга, когда ты командуешь, например, «теплее» или «немного теплее», а потом уже адаптируется к тебе и реагирует на мыслеобраз «немного теплее». То есть, достаточно подумать – и вода становится такой, как тебе нужно.

Коля кивнул.

– Понятно. А кресло к дедушке Кеше подъехало, потому что он подумал, а кресло заранее адаптировалось?

Милена в этот момент жевала, поэтому заулыбалась с набитым ртом и лишь кивнула, а говорить стала, лишь проглотив и промокнув рот салфеткой (учись, Коля!).

– Когда-то давно, почти сто лет назад, учёные уже разобрались, какие области мозга за что отвечают, где какие электрические импульсы возникают. Но дистанционно мыслеобразы считывались недостоверно. Тогда сенсоры подключались напрямую к мозгу...

Коля чуть не поперхнулся.

– Типа как бы трепанацию черепа делали?!

– Именно. Иннокентий Аристархович первый эксперимент провёл на себе. Потом ещё три раза усовершенствовал методику, и каждый раз черепную коробку... Ой, прости, что за едой!

– Да ничего! – Коля нетерпеливо махнул рукой. – Продолжай!

– А что тут продолжать? Единственное в то время стопроцентное считывание мозга – твоё, Коля. Как такое получилось сделать в начале века, до сих пор никто не понимает. Точнее, считали тогда как могли, но по тем временам точность оказалась фантастической. Потом ещё лет тридцать не удавалось повторить этот результат. А то, что сделал Иннокентий Аристархович, стало возможно только сейчас.

– Это мозги по столетней картинке восстановить?

– Это полностью воссоздать личность. Результаты сканирования мозга, образцы и анализы жидкостей и тканей, даже анализ видеозаписей с жестами, мимикой и интонацией. На сто процентов восстановить личность по столетним картинкам до сегодняшнего утра считалось невозможным.

Коля вздохнул и налил Милене и себе ещё немного вина. Взял свой бокал, поднялся на ноги и неторопливо подошёл к воде. Было уже почти темно, и он не понимал, откуда идёт свет. Столик и метров десять вокруг него были освещены мягко, но видно всё было отчётливо. В

бледной воде розовел гаснущий закат. И в домике маленького НИИ на фоне уже непроглядного леса тепло светилось несколько окон, в том числе и в Колиной комнате на третьем этаже.

– Борщ! – послышался голос Милены. – Уже ждёт!

Коля и по насыщенному аромату понял, что ждёт!

– Сто лет борща не ел! – попытался он повторить старую шутку из кино «С лёгким паром», но Милена в ответ лишь вежливо улыбнулась.

Борщ был обалденным, и Коля накиннулся на него, забыв о своих обязанностях... как это... вот! сомелье! Он спохватился и вновь наполнил бокалы.

– Ну-у... – протянул он.

– За Иннокентия Аристарховича? – осторожно, с улыбкой, спросила Милена.

Вот Коля тормоз! Ладно, в следующий раз.

– И за весь ваш НИИ вместе с Ли, Пекинычем и лодочником! И этой... – Коля скопился на щеночка, который с аппетитом грыз косточку из борща рядом со столиком.

– Этим, – поправила Милена. – Его зовут Ник. Ему два месяца.

– Ну, и за Ника! – и Коля звякнул своим бокалом о бокал Милены.

– Мил, – Коля пережёвывал мясо из борща и опять говорил с набитым ртом, но не удержался, было интересно, – а сейчас такие штыри в мозги вставляют, или уже всё на этих вашихмыслеобразах?

Милена отложила ложку, но не демонстративно, а лишь давая понять, что объяснение будет не односложным.

– Применениемыслеобразов достаточно ограничено. Не все умеют управлять своими мыслями, поэтому дальше бытовых команд у многих людей дело не идёт. Часто проще управлять голосом или руками.

– Руками?

– Ну да. Например, если в людном месте хочешь заказать себе лекарство, но не хочешь, чтобы окружающие видели. Просто вызываешь виртуальные символы...

– Типа как графики Ли в воздухе?

– Ну да, – она усмехнулась и немного неуверенно произнесла новое для себя словосочетание, – типа того. А дальше по символам заказываешь лекарство, причём твои символы видишь только ты. Мыслеобразами точно лекарство не выберешь, с фармацевтом не посоветуешься, даже симптомы не у всех получается описать. Символами проще. А со стороны выглядит как будто человек просто в воздухе руками машет.

– Можешь показать?

– Давай перед горячим покажу.

– Перед чем? А-а, – понял Коля, – перед вторым! А мне можно символы?

– Пока нет. Со временем.

– Кстати, я перед душем велел телеку новости показать, а он как не слышит!

– На твой голос он пока не настроен. Со временем. Иннокентий Аристархович не хотел покупать в этот домик телевизор с голосовым или ментальным управлением, но с ручным управлением «телеки» уже давно не делают.

Коля вздохнул.

– Небось, детям с пелёнок символы даёте!

Милена улыбнулась как можно дружелюбнее, и это было очень искренне.

– У детей как раз мыслеобразы читать проще, особенно у младенцев. А символы дают не сразу. В школе, в младших классах, например, ученик может символами сообщить о недомогании или попросить новое перо.

– Перо? – в очередной раз удивился Коля. – Вы же во воздухе символами...

– Ты спрашиваешь, зачем детей учат писать? – Милена задумалась. – Сложно объяснить...

– Мил... ой, столько вопросов! А деньги-то ещё не отменили? Коммунизм ещё не наступил?

– Что не наступил? – переспросила она. – Ах, да, что-то слышала. А деньги ещё как есть! Хотя, большинство людей живёт на социальном минимуме – квартира не в городе и только по комнате на члена семьи, социальный транспорт, синтетическое питание, и то не любое. Кого-то устраивает, кто-то пробиться не может.

– И что, много людей не работает?

– Да где-то процентов сорок. Это трудоспособного возраста, до восьмидесяти.

Коля ахнул!

– Работу очень сложно найти, – пояснила Милена. – Многие выполняют работы. Практически всё производство, почти всё сельское хозяйство, многие услуги.

– Круто! – воскликнул Коля.

– Да не круто, Коля, – Милена вздохнула. – У меня много знакомых без работы, и почти никого не устраивает социальный минимум. Человеку требуется самореализация. Деньги, да, конечно, хочется жить лучше, чем на минимум, но это же в природе человека – что-то создавать, что-то делать самому. Ну и, – она опять вздохнула, – социальный статус совершенно разный.

– Вот ведь! – Коля чуть было не ругнулся. – Всё меняется, а человек тот же! Хотя, у нас... Да если б мне дали ваш социальный минимум, хрен... фиг бы я ходил на работу, гайки крутил!

– А что бы ты делал?

– Да ничего! Телек бы смотрел, с мужиками пиво пил каждый день, если оно в социальный минимум входит, и... – Коля осёкся и про баб говорить не стал.

– И всё? Всю жизнь? Каждый день?

Коля представил, что каждый день на работу ходить не надо, а жрачка из «Макдака» невредная и бесплатная, и мысль ему понравилась. Он уверенно кивнул.

– А нах... а зачем каждый день на работе на дядю горбатиться, если всё за так можно?

– Не знаю, – тихо ответила Милена. – А в том, что люди не меняются, ты прав. Знаешь, я люблю книги «Золотого века»...

– Это какие?

– Толстой, Некрасов, Тургенев и, конечно, Достоевский и Чехов. Ты прав, люди не меняются уже тысячи лет. Хотя наши школьники по уровню знаний и по скорости мышления дадут большую фору даже послевоенному поколению, и даже следующему поколению, но человеческая психология всё та же.

Коля покончил с борщом и отложил ложку. Хотел было спросить про «послевоенное», как-то не вязалось оно ни с чем. Это Колин дедушка, что ли? Но не терпелось посмотреть символы. Однако Милена ещё не доела, и Коля опять разлил по бокалам вино. И едва дождался, когда Милена отложит ложку.

– Милена, – он старался говорить как можно увереннее и мужественнее, – За тебя!

Девушка с благодарностью кивнула, тихонько коснулась его бокала своим и сделала глоток.

– Ну что, Коля? Символы? Давай попросим Фёдора Пекиновича подать жаркое через двадцать минут? Сейчас я высвечу свои символы над столом... – Она сделала несколько почти неуловимых движений руками. – Вот... я их вижу, сейчас открою «на публику»... – Её взгляд на полсекунды расфокусировался, и над столом зависли разноцветные таблицы. – В центре контекстное меню, строка снизу – общее.

Коли три раза махнул руками... и попросил Фёдора Пекиновича подать жаркое через, правда, полчаса, так получилось.

– Нихрена себе... – ошалело проговорил он, когда символы исчезли.

Мила рассмеялась, весело спросила:

– Прогуляемся?

И, не дождавшись ответа, скинула сандалии, схватила бокал и побежала к воде. Ник оставил косточку и устремился за хозяйкой, а за ними побрёл и Коля.

Вино всё-таки действовало, и в свою комнату Милена вошла, немного пошатываясь. Тут же в воздухе под лёгкое треньканье высветилась голографическая иконка Иннокентия Аристарховича.

– Давай, – махнула она рукой терминалу связи, – соединяй.

Изображение профессора появилось прямо перед ней. Виртуальный Иннокентий Аристархович прошёлся ко комнате, выглянул в окно.

– На воздухе ужинали, Миленочка?

– На воздухе, – она кивнула, да так энергично, что чуть было шею не свело.

Иннокентия Аристархович по-доброму улыбнулся.

– Есть в нашей работе приятные моменты. Я на секундочку, не буду отвлекать. Как там щеночек?

Милена, уже не в силах стоять, плюхнулась в кресло и откинулась на спинку, вытянув ноги, впрочем, большей частью скрываемые платьем.

– Спасибо за милый подарок, профессор! Щеночек осваивается. Немножко огрызается, но в целом терпимо, одежду на мне рвать не пытался, грязь по дому не носит, правда, чавкает во время еды. Главное, здоровенький!

– Хорошо, спасибо! Спокойной ночи!

И, не дожидаясь ответа, отключил связь.

– И вам, профессор, спокойной ночи и крепкого сна, – проговорила Милена и отправилась в душ, на ходу скидывая платье.

* * *

– А можно, я сок символами попрошу?

– Так кухня за стенкой. Проще сходить или докричаться, – но, видя детское нетерпение в глазах собеседника, Милена обречённо вздохнула, раскрыла над столом своё личное меню символов и мыслеобразом включила режим «на публику».

Заснуть у Коли получилось вчера не сразу, а подъём был в семь утра, завтрак в половине восьмого. Коля был сонный и даже не успел побриться. Но после вчерашнего опаздывать было бы неловко.

А, собственно, что вчера было? Ну, поужинали... Эх, Коля-Коля... Вчера утром ты проснулся в своей задрипаной «двушке» в Кузьминках и сначала на маршрутке, а потом на метро, а потом опять на маршрутке отправился в НИИ мозгов к молодому лаборанту Кеше. Вот что было вчера. Ну, потом ещё попал в будущее, посмотрел такое видео про Джеймса Бонда, что чуть умом не двинулся, на вёслах опозорился, а потом – как в кино, ужинал за столиком на берегу почти моря с офигенной... с прекрасной девушкой.

Но мысли не путались. Милена сказала, что первый шок ещё не прошёл и что, если будет накрывать («при первых признаках депрессии»), сразу сообщить ей, или Ли, или дедушке Кеше, ну, кто рядом будет. Но до депрессии было как до Луны. Перед сном Коля зачётно заточил курочку (то есть, с удовольствием выкурил сигарету) на балконе (ох и вкусные у них тут сигарки!), принял душ и оделся в пижаму. Но не спалось, телек был недоступен, и пришлось, кто бы мог подумать, книжку на ночь читать! Пушкина, кстати, потому что других книг в комнате не было. Ах, да! Мила научила из кресел кровать делать! У этого мебельного гарнитура автономное символическое управление! Ну, и Коля, не будь дураком, из этого конструктора намахал руками себе трёхспальную кровать в полкомнаты. Прикольно было. А Пушкин, кстати,

оказывается, не дурак! Вообще отнюдь! И не нудятина, и читается легко, и засыпается под него на пятой странице.

А утром сами в голове неожиданно всплыли строчки:

*Всегда так будет как бывало
Таков издревле белый свет
Ученых много – умных мало,
Знакомых тьма – а друга нет!*

Коля тремя пассажами попросил у Пекиныча соку и вернулся к завтраку, состоящему из овсяной каши со свежими ягодами и белого хлеба с хрустящей корочкой и с маслом. Как же вкусно-то всё! И чего он дома так не делал? Всё хлопья молоком залить, яичницу пожарить или творожки из пластиковых коробок...

– Мил, – Коля немного замялся, – а я ночью того... не храпел? Твоя же комната рядом? Милена отрицательно покачала головой.

– Моя комната не совсем рядом, и здесь такая шумоизоляция, что хоть песни пой – никому не помешаешь.

Коля задумался.

– А если мне плохо будет, и я на помощь позову, то никто не услышит?

– Тревожные медицинские сенсоры расставлены по всему дому, так что за самочувствие не переживай, если что, помощь будет оказана немедленно. Кстати, поэтому тебе какое-то время нужно будет провести здесь, в этом доме. Всё-таки такой необычный эксперимент, мы должны проследить за состоянием твоего организма.

– А-а, – деланно-равнодушно протянул Коля, – а чего тогда анализы не берёте, мозги своей кастрюлей не меряете?

Милена как будто не заметила издёвки.

– Сенсоры постоянно сканируют твои параметры, пока ты в доме или поблизости. Так что врачи иголки в вены уже лет пятьдесят как не втыкают.

Всё-таки хорошая она девушка, Мила. Сколько раз Коля, если уж по-честному, дерзил, почти хамил, опаздывал, говорил с издёвкой. А Мила делала вид, будто ничего не происходит, прощала без слов и объяснений. Интересно, это сложно – вот так, как бы не замечать? Сам-то Коля всегда на такие вещи реагирует агрессивно, ибо, как говорится, не фиг!

– Но, – продолжила Милена, – ненадолго нам выбираться всё-таки можно, поэтому предлагаю прокатиться в Москву туда-обратно, как вчера договаривались. Если не передумал, конечно.

Коля помотал головой, как всегда, с набитым ртом, и начал жевать быстрее.

В Москву поехали на паластруме. Коля успел ещё в кино более или менее понять, как эти паластры тут работают. Подаётся такой небольшой вагончик. Если премиум, то там много места и широкие кресла, если обычный, то мало места и узкие кресла. И этот вагончик катится банально на четырёх колёсах до ближайшей узловой точки, а там цепляется к таким же, и получается поезд. Поезда ходят по-разному. Под землёй летают по специальным тоннелям вообще с нереальной скоростью, не касаясь стен, наверное, на магнитной подушке. Или из них составляется пинг, к нему цепляются крылья с двигателями. Даже подводные маршруты есть, наверное, для экстремальщиков. Премиум в экономе преобразуется примерно так, как из кресел в Колиной комнате получилась кровать. Было три кресла – тыныц-тыныц – и их восемь. Джемс Бонд на таком такси, а его вагончик перецепляли к разным составам раз пять, от Лондона до Стамбула добрался вроде как за час.

В десять утра к домику НИИ подкатил ярко-синий вагончик размером с «Газель». Он немного покачивался, перебирая тоненькими колёсиками по газону, который был далеко не идеально плоским. Паластрум тихонько добрёл до входа и замер.

– Это мой, – сообщила Милена, вышедшая на порог. – Родители на двадцатипятилетие подарили.

Судя по тому, как она это сказала, вроде даже с гордостью, Коля должен был восхититься.

– Ну, круто.

– «Ну, круто»?! – Милена вскинула бровь. – И всё?

Неожиданно за спиной у Коли возник Пекиныч и тихонько пробубнил ему на ухо:

– Вообще-то это «Астон Мартин».

– Чё? – Коля обернулся и посмотрел на повара с недоверием. Тот лишь многозначительно кивнул.

Коля обошёл паластрум и там, где, как он рассчитывал, был передний капот, увидел эмблему известного производителя суперкаров. Эмблема была некрупной, но, тем не менее, прекрасно узнаваемой.

– Мил... я это... ну охренеть, как круто! Реально «Астон Мартин»?

Милена стояла, скрестив руки на груди, и выглядела довольной.

– Разгон до сотни за секунду на любом твёрдом покрытии, сопряжение с любым составом на любой скорости и с любым сопрягающим устройством, хоть сверху на поезд запрыгнуть может или сбоку прилепиться. Автономный ход на три экватора, режим амфибии, режим планера такой, что из космоса можно в атмосферу выбросить, и приземлит так, что можно не пристёгиваться. Система автономного жизнеобеспечения в замкнутом цикле на две недели.

Ну что тут скажешь... Вроде как-то Коля пытался уловить, многое даже как бы понял... Ну, в общем, – реально круто!

– Объясни про последнее, – проговорил он деловито, – что там про цикл?

Милена вздохнула. Ну да, неуч.

– Мы с тобой и ещё с тремя попутчиками в этом паластруме можем жить две недели в режиме герметичности. Синтезаторы воздуха, воды, пищи, плюс рециркуляция продуктов жизнедеятельности, в общем, две недели полного комфорта в замкнутом пространстве, сможешь даже одежду три раза в день менять на свежую.

Коля подошёл к распахнутым дверям паластрума, который опустился практически на землю. Где там располагался душ и кухня с едой на две недели, Коля не понял, потому что внутри были лишь два больших ярко-красных кресла.

– Ну что, молодой человек, сопроводите девушку на небольшую прогулку к центру столицы?

Милена легко запрыгнула в салон и расположилась в кресле. Коля недоверчиво постукивал костяшками пальцев по обшивке корпуса «Астон Мартина» и как будто бы нехотя полез внутрь.

* * *

Веранда ресторана «Пушкинь» располагалась на крыше особняка на Тверском бульваре. И можно было бы сойти с пинга прямо на веранду, но правила заведения это запрещали. В ресторан следовало попадать с бульвара, через парадный вход.

Владельцы ресторана не собирались устраивать у себя даже подземный терминал. Это стоило им долгих судебных разбирательств с мэрией, окончившихся необычным мировым соглашением. Сошлись на том, что терминал всё-таки построили, но спрятали его в подвале за большими чугунными воротами. И приводы для пингов установили на всех этажах, и даже ramпы для входа-выхода сделали такие, что стены и ограждение веранды выглядели, будто им

лет сто с лишним. Даже жившие в домах по соседству люди не заметили подмены. Но оборудование для пингов было установлено на крайний случай, о подземном терминале знали человек всего едва ли полсотни, а пользовались им и вовсе единицы избранных – те, кто бывал в «Пушкине», но чья охрана не допускала неоправданного появления на публике. Необычность же того мирового соглашения заключалась в том, что часть его, посвящённую обязательным для современных зданий переделкам, засекретили. Доступное же для общественности судебное решение гласило, что ресторану можно всё оставить как есть «для сохранения архитектурного облика столицы».

Оба сегодняшних гостя были из тех немногих, кто прибывал в ресторан через подземный терминал. И охрана на этом настаивала, и их участвовавшие в последнее время встречи им обоим и, если взять шире, их кабинетам, не хотелось афишировать. Поэтому и на веранду их поначалу не пускали, хотя в такую погоду обоим хотелось посидеть на свежем воздухе. Сошлись на том, что гостям веранды с тысячью извинений и весьма щедрыми комплиментами предложили пересечь на этажи, а особых посетителей поднимали на веранду на древнем лифте в компании роботов-телохранителей. Более того, даже на веранде их упрятали в беседку, густо увитую кустами роз, чтобы со стороны ничего не было видно.

Прибыли посетители с пятиминутным интервалом, и на лифте их поднимали, понятное дело, по отдельности. Службы безопасности обоих в очередной раз сходили с ума, в срочном порядке организуя безопасность встречи так, чтобы не привлекать к её факту никакого внимания.

Первым в беседке появился Матвей Юрьевич Калинин – помощник Президента, отвечающий за внутреннюю политику. Влияние Матвея Юрьевича на любые процессы, происходившие в стране, считалось чуть ли не безграничным. При предыдущем Президенте, который, как многие считали, был человеком не самым сильным, избранным лишь в результате протестного голосования, Матвей Юрьевич был, по сути, «серым кардиналом», обеспечившим в то время стабильность власти и последовательность государственной политики во всех сферах – от культуры и социального обеспечения до национальной безопасности. Хотя, следует отдать должное Матвею Юрьевичу, он никогда не отделял одни вопросы от других, понимая сложные взаимосвязи той же национальной безопасности с культурой и здравоохранением. При Президенте нынешнем необходимость в «дирижировании» всем и вся отпала, но новый глава государства оказался человеком не только сильным, но и чрезвычайно проницательным. К тому же, он не боялся окружать себя людьми сильными и умными. И таланты и опыт помощника по внутренней политике оказались в очередной раз востребованными, а степень доверия Президента к своему помощнику уже через пару лет совместной работы стала достаточной для того, чтобы Матвей Юрьевич не получал от руководителя задачи, а сам их себе ставил. Другими словами, занимался тем, чем считал нужным. При этом имел неплохой штат сотрудников и вполне достаточный бюджет.

Его собеседником на предстоящий поздний завтрак был Митрополит Василий. Знакомы они были уже лет тридцать, ещё с тех пор, когда только что вышедший в отставку военный и будущий помощник Президента занимал скромную должность в Министерстве инфраструктуры, а будущий Митрополит подвизался в хозчасти Донского монастыря. За прошедшие годы он успел принять сан, послужить и в больших городах, и в маленьких городках, три раза попал в горячие точки жестоких и кровавых «локальных конфликтов». В Бога он верил искренне и истово, однако при этом оставался человеком здравомыслящим и даже прагматичным, одинаково хорошо ориентировался и в церковных законах и правилах, и в самых обычных земных, подчас даже приземлённых.

Матвей Юрьевич по настоянию Митрополита продолжал называть его мирским именем – Пётр Иванович. И приветствовали они друг друга по-светски, здороваясь за руку.

Ну вот так и поздоровались, когда Митрополит вошёл в увитую розами беседку.

– Добренького утречка, Матвей Юрьевич! – голос Митрополита был бодрым и радостным. – Давно ль ждёте?

– Да только что подошёл, – помощник Президента тоже улыбался, но по привычке более сдержанно. – Доброе утро, Пётр Иванович!

Оба были завсегдатаями «Пушкина». В другом ресторане они могли бы уже делать заказ мыслеобразами, но здесь было принято звать официанта.

– А у вас ведь пост? – поинтересовался Матвей Юрьевич, получив постное меню в дополнение к обычному.

– Пост не у меня, – Митрополит усмехнулся сквозь густую бороду, – он вообще.

Оба заказали завтрак из постного меню, благо было из чего выбрать. Матвей Юрьевич сделал лишь небольшое отступление, попросив чашку капучино.

– Как думаете, господин Митрополит, простит Бог-то? – с иронией поинтересовался он у собеседника, на что тот сразу же ответил:

– А вы молитесь, глядишь, и простит. Хотя, если вовсе не грешить, то шансов-то поболее будет.

Когда сделали заказ, Митрополит сразу перешёл к делу.

– Вот о чём хотел с вами потолковать, Матвей Юрьевич. Беспокоят меня вероотступники.

Произнес как будто бы небрежно, но чиновник отреагировал молниеносно. Давнее знакомство, искреннее взаимное уважение и высочайшая степень доверия позволяли им говорить, как есть, не особо подбирая слова, абсолютно открыто. Да и сам чиновник именно эту тему и хотел в первую очередь обсудить с Митрополитом.

– «Чистота и честь», вы их имеете в виду? Зарождающееся радикальное крыло Православной церкви?

– Не удивляюсь тому, что вам про них известно, однако про «радикальное крыло» – не поторопились ли с ярлыками?

– С таким финансированием и такой организацией на кружок по интересам они не похожи.

Митрополит нахмурился.

– По правде сказать, не думал я, что о них уже и в Администрации знают. Стало быть, и правда дело нешуточное. Я-то, откровенно говоря, долго их всерьёз не воспринимал.

– Моя вина, Пётр Иванович, – Матвей Юрьевич склонил голову. – ФСБ уже две недели вплотную этой организацией занимается. Пусть они пока так, движение, но уже намерены вскоре заявить о себе как об организации. А вам-то, Пётр Иванович, что о них известно?

Пётр Иванович немного помялся. Как раз в это время принесли напитки. Митрополит сделал глоток яблочного сока и опять помедлил, пожал плечами. Как будто ученик, не выучивший урок.

– Да, если вдуматься, немного известно, хотя шума они уже наделали. Провозгласили, что законы Божии уже более строго не соблюдаются, а Церковь тому лишь попустительствует. Что священники погрязли в грехах и разврате и больше не являются духовными ориентирами, а тем паче пастухами вверенного им Богом стада. А уж римско-католическую церковь ещё большим нападкам подвергают...

– И при этом, – Матвей Юрьевич мягко перебил Митрополита, помогая закончить мысль, – не выдвигают никаких требований. Пока, по крайней мере. Их лидер, Пророк Стенька, молодой, между прочим, человек, уже несколько раз заявлял, что не претендует ни на какие церковные должности, а лишь призывает вас, Владыка, задуматься.

– А вы, Матвей Юрьевич, в этих призывах усматриваете нечто, чего мы пока не увидели?

Чиновник сделал глоток кофе, вытер салфеткой краешки губ и едва заметно кивнул.

– Вот то-то и оно, что «нечто». Повторюсь, под «ничто» такое финансирование им бы никто не выделил.

– А много ль финансирования и откуда?

– Много, из-за границы. Откуда точно, понять не можем, куда расходуют, тоже до конца отследить не удалось. Хотел лишь поделиться, что мы рассматриваем эту активно создаваемую организацию как потенциальную угрозу, только вот пока не понимаем, какую именно и чему.

– А вы, Матвей Юрьевич, мне обо всём этом рассказываете – попросить о чём-то хотите? Хотя, скорее, это я вас просить должен, мой недосмотр.

– Так-то оно так, – согласился помощник Президента, – да не так. Просто поделился тем, что сам знаю. Конечно, если будет что-то новое, значимое, обязательно сообщу. А попросить... да, конечно, хотел бы. Но не могу сформулировать просьбу.

Матвей Юрьевич вздохнул. Главное, ради чего встретились, было сказано.

Подали завтрак, и помощник Президента сменил тему, благо их для встречи длительно-стью лишь в час было предостаточно.

* * *

Москва была... Коля задумался, как бы впечатления описать? Сначала стало страшно. Реально страшно. Там, где раньше пролегали дороги, проезжая часть, сейчас росла трава. Люди просто гуляли по газонам. Представляете, вся Тверская – сплошной газон с деревьями! И там просто расхаживают люди! Машин нет совсем! За три часа, что они с Миленой провели в Москве, в воздухе беззвучно проскользили несколько новомодных бесшумных пингов – и всё! И Коля вдруг представил, что вот так, без машин, может выглядеть только брошенный город. В котором остались лишь те, кто... остались.

Хотя, умом он, конечно, понимал, как все обстоит на самом деле.

После завтрака они с Миленой на ярко-синем «Астон Мартине» отправились в Москву. Ну, вот так просто сели в кресла, дверь плавно опустилась, и палластрум бесшумно покатился, при этом приятно покачиваясь. Потом вплавь преодолел водохранилище, выбрался на другой берег и помчал дальше до Истры. Коля в Истре как-то раз был, но ничего не запомнил, тем более узнавать было нечего, кроме, наверное, нескольких совсем старых домов. То есть, дома, конечно, стояли, но точно не такие, как в Колино время. Не было панельных многоэтажек, и всего-то высоких домов оказалось не больше десяти, и сколько в них этажей, было непонятно, потому что этажи сливались, и назначение этих зданий осталось для Коли загадкой, потому что он не спросил. А вот невысоких, в один-два этажа, домиков он увидел много. И они все были разные (из кирпича, из стекла, из дерева, из непонятно чего) и разноцветные. И почти все яркие, но глаз не резало. И асфальта не было. Нигде. Милена объяснила, что есть специальные виды травы для газонов, по которым можно ходить и ездить, трава там почти не мнётся и быстро отрастает, если что, а земля не проминается, а лишь пружинит. Кое-где оставалась брусчатка, но это, наверное, чтобы от зелени совсем уж в глазах не рябило.

В Истре остановились у рынка, Милена купила с собой малины, и поехали дальше. Кстати, хотя и был конец апреля, ягоды оказались местные и свежие. Выяснилось, что их здесь выращивают круглогодично в теплицах на верхних этажах тех самых высоких зданий.

Как таковых городских границ не существовало, просто домов становилось всё больше, а потом всё меньше, а потом совсем редкие попадались. Коля как-то и не понял, что это такое было: рынок, жилые дома, несколько кафе... А город-то где, Истра? Но спросить не успел, потому что говорили о другом, а потом разогнались так, что стало страшно, какие ещё мыслеобразы этой девушке могут в голову шмякнуть. Оказалось, что шмякнули, потому что палластрум свернул в рощу и понесся на огромной скорости, в последний миг отворачивая от деревьев и кустов. При этом хваленый «Астон Мартин» уже заметно потряхивало на ямках и кочках, а иногда ощутимо подбрасывало, и Коля втягивал голову в плечи, ожидая, что вот как сейчас их грохнет об землю! Но приземлялась машина неожиданно мягко, хотя и не сбавляла

скорость. Милена сидела в своём кресле прямо у лобового стекла. Коля не видел её лица, но ощущал, насколько она сосредоточена. А деревья, от которых на невообразимой скорости уворачивался паластрум, уже сливались в росчерки, в коричнево-зелёные полосы. Наконец, Коля сдавленно произнес:

– Эй, крошка! Сбавь обороты.

Милена, как всегда, не обиделась, может быть, даже поняла шутку, и паластрум плавно замедлил ход, а потряхивание сменилось почти незаметным покачиванием, как будто «Астон Мартин» парил над рельефом на воздушной подушке.

– Прости, – кресло Милены развернулось на сто восемьдесят градусов, так, что глаза девушки оказались прямо напротив Колиных. – Знаю, что вождение сейчас не такое, как было в ваше время, оно безопасное. Но всё равно люблю погонять.

– Безопасное?! – воскликнул Коля. – Да там скорость была километров двести...

– Триста восемьдесят максимальная. Плюс жёсткость хода на «четвёрку».

– Чё? – Коля ошалело захлопал глазами.

Милена вздохнула. Да, опять следует объяснить.

– Паластрум управляется мыслеобразами. Я просто смотрю туда, куда хочу ехать, поддерживаю мыслеобраз скорости, и паластрум следует за моей мыслью. Только, в отличие от настоящих гонок и от вождения, как в ваше время, паластрум сам выбирает траекторию и не позволяет выйти за предел скорости, когда возникнет риск аварии. И всё удовольствие сводится к тому, – Милена опять вздохнула, но уже с искренней грустью, – чтобы на такой скорости успевать выбрать деревья, между которыми хочешь пролететь. Этакая иллюзия экстрима.

Коля открыл было рот, чтобы спросить, гоняла ли она по-настоящему, когда никакая автоматика не страшует, но пейзаж за окном сменился – паластрум выкатился туда, где раньше тянулось Новорижское шоссе. Теперь это была широкая дорога, поросшая густой и короткой тёмно-бурой травкой. По ней в обе стороны катились паластрумы самых разнообразных размеров, форм и цветов. Коля, вспомнив своё буквально вчерашнее околоавтомобильное прошлое, отметил, насколько стремительно и стильно выглядел их «Астон Мартин» на фоне других машин. Некоторые паластрумы двигались сами по себе, другие были сцеплены в составы.

– Прицепимся или сами поедем? – спросила Милена.

Вот нашла кого спросить, подруга из будущего!

– А как лучше?

– Не знаю, как сам хочешь, – Милена пожала плечами, а Коля отметил небольшую заминку, когда Милена обратилась к нему на «ты». Он и раньше это замечал, но как-то не акцентировался. А девушка весело добавила: – Если прицепиться, то дешевле получается, но мы можем себе позволить и сами по себе.

– Тогда давай сами. Только без экстрима, ладно?

– Хорошо, – согласилась Милена. – Только в тоннеле лучше будет прицепиться, быстрее получится, потому что коридоры для составов приоритетные, особенно если там общественные паластрумы.

– Типа автобусы?

– Типа того.

Милена легко и с удовольствием подхватила новые для неё выражения «типа» и «как бы», и Коле это очень нравилось.

– А тоннель зачем?

– В тоннеле разреженный воздух и магнитная подушка, и скорость движения очень большая. Паластрумы просто несутся, не касаясь пола и стен. От Москвы до Петербурга теоретически за час по тоннелю можно доехать, если без остановок для присоединения или отсоединения. И в городах движение по поверхности в основном запрещено, поэтому паластрумы едут

под землёй, а выход в город через специальные терминалы. Ну типа ваших станций метро, только логистика сложнее.

– Как бы, – подхватил Коля, – где машину бросил, к тому терминалу потом возвращаться?

– Неа, – Милена отрицательно качнула головой, отчего её каре сделало восхитительный лёгкий взмах. – Паластрум прибудет к тому терминалу, куда вызовем. Пока не вызвали – ждет на парковке.

– Подземной?

Милена внимательно на него посмотрела, но во взгляде сразу заиграла ирония.

– Сам догадался? А Иннокентий Аристархович про тебя говорил: «Мозги оставил как есть, хотя надо было бы подкрутить».

Вот гад Кеша!

– Ну что ты! Как же, сам! Да разве ж я это... Короче, по телеку увидел.

И рассмеялся, и Милена тоже рассмеялась.

Тем временем «Астон Мартин» догнал состав из нескольких паластрумов, один из которых, судя по размеру, был «автобусом», а два других были такси, если, конечно, у них тут в будущем жёлтый цвет и шашечки по борту означают то же, что и в Колино время. И в этот момент стёкла... как это сказать... помутнели. Пейзаж исчез, окна стали матово-белыми и... засветились?

– Мы въехали в молочную реку? – попытался пошутить Коля.

Милена сначала посмотрела не него вопросительно, но тут же спохватилась.

– На самом деле это не стёкла, а экраны, изображение идёт от внешних камер. Если хочешь, мы и пол с потолком можем сделать прозрачными или симитируем движение хоть по пустыне, хоть в космосе. Мы прицепились к составу на ходу у самого въезда в тоннель, там ничего интересного, поэтому экраны перешли в режим плафонов. Картинку можно пустить любую, но я, если честно, и так от цветных картинок устаю, поэтому предпочитаю просто мягкий свет. Скорее даже такой.

И с этими её словами окна-экраны немного пригасли, в свечении появились синие оттенки, а в салоне стало темнее и гораздо уютнее. Коля откинулся в кресле, и кресло подхватило эту идею, чуть опустив спинку сделал чуть более рельефным поясничный подпор.

– А у вас тут всё на электричестве?

– Ну, в общем, да. Гражданский транспорт, дома, производства в основном тоже. Только военные летают на любых доступных видах энергии, а стреляют вообще чем-то немислимым. Сам, наверное, по телеку видел. Например, на универсальном истребителе может быть и термоядерный импульсный двигатель, и водородный, и электрический винтовой для атмосферных полётов, и турбовинтовой, а на новых собираются ставить даже фотонные паруса!

Коля вздохнул.

– Много чего видел... но не понял. Не всё. А на бензине совсем не ездят?

Оказалось, что Милена достаточно сведуща в вещах, в которых большинство девушек его, Колиного, времени совсем не разбирались.

– Углеводороды как топливо себя почти изжили из-за низкого КПД. Кое-где они ещё используются, но это использование исчезающе мало.

– И что, на машинах наших никто не ездит?

– Ну, есть клубы любителей, но, только не обижайся, лошади и лодки гораздо популярнее. У нас под Москвой, кстати, сохранили... – Она сделала едва заметную паузу, чтобы правильно выговорить слово: – *Автодром*. Древний, ещё начала века. Там любители гоняют, у которых ещё те... – ещё одна пауза, – *автомобили* остались. Хотя, конечно, там тоже максимальные меры безопасности – улавливатели, силовые магнитные поля, экстренная трансформация дорожного полотна и что-то ещё. Сколько себя помню, ни одной аварии не было.

– Мил, а тебе сколько лет?

– Двадцать шесть.

Повисла пауза, и молчали минут пять, пока экраны опять не стали окнами, открывая вид на подземный терминал.

Тверская была, уже ожидаемо, но всё равно шокирующе – сплошной газон с деревьями. Они, почти не разговаривая, прошли до Александровского сада. На первых этажах зданий, где раньше были магазины, теперь, за витринами с непонятными символами, располагались сплошь рестораны и кафе. А вот памятник Пушкину остался на прежнем месте. В общем, всё изменилось, но как было прежде, Коля помнил смутно, потому что в центр выбирался редко.

Милена остановилась у лотка с мороженым, за которым стояла девушка лет двадцати, в сиреновом форменном платье и белых фартучке и чепчике, почти как раньше в ГУМе.

– Будешь? – весело спросила Милена.

Коля кивнул.

– Мне сельдереевое, – сообщила она продавщице, – а молодому человеку... – и она вопросительно посмотрела на Колю.

– Шоколадное, – неожиданно для себя буркнул Коля, хотя больше любил фисташковое. Ну, мало ли, вдруг у них тут, в будущем, фисташковое не популярно, а вот шоколадное – оно казалось как-то надёжнее. И действительно – было у девчуршки шоколадное!

Милена взяла два рожка с мороженым, шоколадное протянуло Коле и направилась дальше, а Коля дёрнулся было рукой в карман, немного помялся и бросился быстрым шагом догонять свою спутницу.

Догнал.

– А это... У вас тут как бы коммунизм? Платить не надо?

Девушка как будто даже опешила от вопроса, хотя уже много позднее Коля понял, что это была реакция на слово «коммунизм».

– Как это?! Я заплатила!

– Когда?

Ох, и опять объяснять. Но Милена, как обычно, была чрезвычайно деликатна.

– Прости, думала, ты заметил. Заплатила через меню символов, только ты их не видел. Всё-таки банковские операции в публичный доступ не принято выводить...

Только сейчас Коля припомнил лёгкие пассы руками, которые девушка совершила у лотка. Вроде, два или три...

– А в ваше время тоже лотки были на улицах, да?

И тут на Колю обрушился град вопросов. Как будто Милена терпела-терпела, и вдруг прорвало. Да, наверное, так и было.

Кем работал? Это было диалово? («Диалово» – это типа «круто».) А какие профессии были популярны? Слесарный ремонт? А ещё какой бывает? А чем кузовной от слесарного отличается? Сотовый телефон – это удобно? А что ели на обед в мастерской? И что, Иннокентий Аристархович вот так прямо к вам на старом... автомобиле приехал? А правда, что не у всех... автомобили были? Наличные деньги – а если потеряешь? А что девушки носили? Понятно, а Коле что больше нравилось? (И если бы тут ответить честно, то Коля запросто нарвался бы на «фу, как вульгарно».) Правда, что целоваться на улице на глазах у всех было нормально? В самом деле работали строго по времени? Что, серьезно был «отпуск»? К морю? И что, вы китайский в школе не изучали? Ты ни разу не был в Англии? А зачем на свадьбе свидетели? А ты застал Малевича? И на концерте «Битлз» не был? Ещё раз – жаль, что зарплата не в долларах?! Ты в США, что ли, работал? Что, правда было много толстых людей? Действительно на месте храма Христа Спасителя был бассейн? Как ты сказал... б-о-м-ж... это кто? Крым – Украина? Ах, да, что-то слышала. Не поняла, а что ты о таджиках так пренебрежительно? У тебя в самом деле были механические часы? Не джикуешь? («Джиковать» – значит прикалываться). Не представляю, как это собираться в одном месте, чтобы одновременно

сидеть за компьютерами (об офисах). А ты в армии служил? «Армейка»? И в чём ирония? Что, правда сам из порохового оружия стрелял? Офицеры ругались матом?!

И то ли по Коле было заметно, что уже, блин, хватит на сейчас, то ли Милена что-то услышала такое странное, но вдруг опять повисла пауза. И вот стало обидно, что вкус мороженого как-то не распробовался, а оно же такое обалденное было... когда лизнул только! А там за её вопросами как-то незаметно уделал его, даже жалко, что продукт без удовольствия перевёл! Лотки ещё пару раз попадались, но Коля привык сам девушкам мороженое покупать, не просить же у Милены, чай не ребёнок.

Тем временем они обогнули Кремль, прогулялись по набережной, по Большому Каменному мосту (в кои-то веки название узнал) и вышли на Пятницкую.

– А я тут живу недалеко, – вдруг сказала Милена.

– Приглашаешь? – небрежно спросил Коля, но вроде даже как-то понадеялся.

– Прости, не сегодня.

Она что, серьёзно восприняла? Ну-у... раз так... ну, если «не сегодня», то подождём «завтра». И, увидев через переулок на параллельной улице лоток с мороженым, Коля придержал девушку за талию и попытался увлечь туда. Милена вдруг вздрогнула и резко отпрянула, с силой хлопнув по Колиной руке. Коля от неожиданности сделал шаг назад и поднял обе руки, мол, сдаюсь. Несколько прохожих посмотрели на них озадаченно, одна пара даже остановилась.

– Мил, это... ты чё?

– Ой, – Милена от неловкости вспыхнула, – у вас в самом деле незнакомую девушку можно было вот так обнять?

– Да не обнимал я... – Коля растерянно хлопал глазами. – И ты не незнакомая.

– Ну, малознакомая! Небольшая разница!..

– Мил, прости, я не знал, что у вас тут так всё... заморочено. А у вас это как бы не принято? Ну, сорри, не знал. Машинально вышло.

– Правда машинально? – спросила Милена, глядя исподлобья и как будто даже грозно. – И что, ты со всеми малознакомыми так?

– Ну давай, спроси: «А что ты с ними ещё машинально?». Ладно, Мил, давай без этих самых. У нас это, правда, ничего такого... Ты, это... Если я что не по-вашему, ты просто говори, ладно? Ну, и не обижайся, я же не со зла.

– Ладно, – буркнула Милена, но с места не сдвинулась, и ни напряжённая поза, ни строгий взгляд никуда не делись.

– Это... – Коля сделал шаг вперёд и на всякий случай остановился. – Руку-то поцеловать можно?

– Можно.

– А ногу?

Милена хотела то ли фыркнуть, то ли вклепить пощёчину, но неожиданно для себя прыснула в кулачок. Видно, у них тут дефицит юмора, раз такое прокатывает, подумал Коля и как мог галантно поднял её руку к своим губам, чмокнул. И, довольный собой, направился туда, где мороженое. Милена уловила суть манёвра, догнала своего спутника и пристроилась рядом.

– Ну что, Капитан Галантность, позвольте предложить вам ещё мороженого?

Ну вот как тут отказаться?

– Мил, – Коля широко улыбнулся, – спасибо. Мороженого хочется, правда. Только неудобно... Но я всё отдам!

– Что отдашь?

– Деньги за мороженое. Я вот только разберусь, как тут что, и отдам сразу, как будут. А то пока, сама понимаешь, мне даже кредита не дадут. Но я ничего, заработаю...

Милена заулыбалась.

– Если так комплексуешь, можем на счёт Иннокентия Аристарховича отнести. Но вообще-то, – она подмигнула, – это мороженое недорого стоит.

Они купили ещё по рожку, вернулись к реке и какое-то время шли молча по набережной. Мороженое и вправду было очень вкусным.

– Вы... ты не проголодался ещё? – спросила Милена, когда они вышли к «Балчугу». – Можем перекусить. За счёт Иннокентия Аристарховича, конечно. Здесь рядом хороший ресторан есть.

– А что, – вдруг спросил Коля, – дедушка Кеша такой богатый?

– Да, – Милена ответила неожиданно серьёзно, – он очень богатый.

– Копил сто лет?

– Ой, Коля, и копил и тратил! Дача, на который мы живём – одна из пяти. Если честно, мне она больше всего нра...

– Дача???

– Ну да, – Милена не поняла удивления. – У него двухэтажный особняк на Патриарших и пять домов в разных уголках света. Видите ли, не любит он в отелях останавливаться. Хотя по конференциям мотается по всему свету. Естественно – учёный мировой величины.

– И что, он все свои миллионы...

– Миллиарды, – тихо поправила девушка.

– Он все свои миллиарды наукой заработал? – в голосе Коли явно звучала насмешка.

– Конечно. Зря иронизируешь. Дважды нобелевский лауреат, между прочим. Одни патенты ему немислимые суммы принесли. Управление мыслеобразами, как оно есть сейчас, он первым внедрил. Фильмы с эмоциональным восприятием – ещё несколько миллиардов. Два года потратил на комбинированное управление для военных – там ай-ай какой заказ был! Как раз тогда я учиться поступила, он у нас в МГУ преподавал, потом в аспирантуру к нему пошла...

– Военный заказ попилили? – усмехнулся Коля.

– Что сделали, прости?

– Ой, да ладно тебе. А то у вас тут, в будущем, государственные деньги не пилят.

Коля растолковал смысл слова, они немного обсудили и выяснили, что и вправду не пилят. Или Милена была такой наивной, хотя на неё не похоже.

Вернулись на Пятницкую, дошли до ресторана, сели за столик, сделали заказ. Вроде, тут всё было обычно, без подвохов. Конечно, если иметь в виду, что Коля в хороших ресторанах не был не разу. Но в недорогих он бывал, и там было то же самое, только попроще, без понтов. Хотя, конечно, официанты оказались такие вежливые, стало даже как-то неловко. Ну, и в обычном меню на бумаге, без всяких там символов, всё было понятно.

Вообще, ресторанов, кафе, клубов, театров, танцевальных залов и прочего развлекалова здесь было пруд пруди. Коля уже начал привыкать к необычным для него вывескам и рекламе и стал вроде как потихоньку понимать, что тут к чему.

Например, в одном из залов стены вдруг стали прозрачными, и он увидел мужчин и женщин в одежде девятнадцатого века, или навряде того, танцующих при свечах. Оказалось – голограмма, но такая реалистичная, что Коля даже почувствовал музыку, под которую двигались пары. Более того, выяснилось, что Милена в этот момент видела там же совершенно другую картинку.

– Поляризация настраивается на направление твоего взгляда. Для меня выбрали одно, для тебя – другое. А вообще, это школа танцев и танцевальный салон. Я в такой четыре раза в год на балы хожу, только в другой, в Камергерском. Если хочешь...

– Танцевать не умею! – отрезал Коля, получилось даже грубовато.

– Ой, смотри – птичий хор! – воскликнула Милена. – Сюда домашних птиц приносят, и их тут петь учат, иногда концерты устраивают. Я как-то была на таком в Ницце, очень красиво!

– По ходу, – резюмировал Коля, – у вас тут одна веселуха.

– Ты хотел сказать: «Как я понимаю из увиденного, в центре Москвы располагаются преимущественно развлекательные заведения»? А чему тут ещё располагаться?

– Ну-у... – Коля задумался, вспоминая что тут было в его время, то есть вчера. – Офисы...

– Места, где люди собираются вместе, чтобы одновременно посидеть за компьютерами? Я же рассказывала – нет ни офисов, ни компьютеров, ни рабочего времени. Если ты не занят непосредственно в сфере услуг, а, например, инженер или юрист, то можешь работать где угодно и когда удобно, главное, чтобы результат был вовремя в нужном месте.

Подали салаты. Милена ела что-то с заячьей печенью, а Коля на всякий случай заказал, что знал: «Цезарь» с курицей.

– А магазины?

– Ну, есть, конечно, мы с тобой прошли мимо нескольких, но их мало... Это для любителей, в основном туда ходят те, кому за пятьдесят, кто помнит, как было раньше...

– Подожди, – пробубнил Коля опять с набитым ртом, но осекся, прожевал и только тогда продолжил: – А где вы еду покупаете, одежду, мебель...

– Из мимипика, – сообщила она как нечто само собой разумеющееся. – А органические продукты доставляют... Ой, прости. В твоё время уже были трёхмерные принтеры?

– Что-то слышал.

– Ну вот, допустим, нужна тебе тарелка. Ты заходишь в каталог тарелок...

– Мыслеобразом?

– Не-ет, как ты мыслеобразом в каталог войдёшь?

Ой, да, действительно, конечно – глупый вопрос! Мыслеобразы же только, чтобы душ регулировать да «Астон Мартины» по лесу пулять!

– Через телек, – продолжала Милена, улыбнувшись. – Выбираешь модель, размер, цвет, материал, а потом отправляешь на мимипик, и он производит.

– И что, эти мимипики в каждом доме стоят?

– В каждом, – подтвердила Милена. – Они входят в социальный минимум. Только размеры и картриджи для социальных очень скромные. А у нас на даче очень мощный стоит, и картриджи – хоть корову производи.

– У нас на даче?

Что ж в голове-то у него, а?

– Ну да, – кивнула Милена, будто не заметив подоплёки, – в доме, где мы живём.

– Меня вы тоже на таком трёхмерном принтере распечатали?

В вопросе был вызов. Девушка это почувствовала. Иннокентий Аристархович предупреждал, что такие ситуации будут возникать. И всё равно вышло неожиданно.

Но ответила Милена, как всегда, честно, и при этом легко, как будто не придавая значения сказанному.

– Да, принцип такой, только устройство сложнее. И материалы не стандартные, не из каталога. Так сказать, индивидуальный заказ.

Коля нахмурился. Но подали тушёную медвежатину, которую порекомендовала ему Милена, а ей самой принесли перепелов, и они отвлеклись. Если честно, обоим хотелось отвлечься.

Вернулись к вечеру. Коля вдруг подумал: как это классно – просто гулять! Что ж раньше-то никто не подсказал? Кино, конечно, хотелось посмотреть, и Милена обещала перед ужином ему ещё что-нибудь включить. Но целый день по преображенной Москве за ненапряжной беседой – это было... «круто» почему-то думать не хотелось... это было... Коля так и не подо-

брал подходящего слова, но точно понял смысл. Было легко, весело, беззаботно и спокойно. И в первый раз в жизни ему действительно не хватало слов.

Он даже забыл покурить, но вечером вспомнил. И Пекиныч, под обещание «не больше двух-трёх штук в день», устроил целое представление с выбором сигарет из каталога (и Коля выбирал размеры, цвет, материал фильтра, сорта табака и даже вкус через какое-то модное устройство) и последующей распечаткой на трёхмерном принтере сразу пачки целиком.

Потом ужинали у реки впятером – вместе с Пекинычем, лодочником Петром Робертовичем, который, как выяснилось, тут был «вообще по хозяйству», и Ли Сы. В основном расспрашивали Колю о его времени, и он с удовольствием рассказывал, а что не знал – додумывал, но так, без фанатизма. А вино, вкус которого вчера не ощутил... ну... что-то в нём было...

Ник радостно вертелся под ногами, заискивал, и ему перепало со стола.

Потом он на веранде второго этажа, куда выходила его комната, Коля курил и пил пиво, и с ним немного постояли Милена и Ли Сы.

А ночью ему приснился сон. Этот сон потом повторялся всю жизнь, до конца его дней. Иногда часто, иногда редко. И когда было редко, он молил Бога, чтобы сон приснился ещё. Это была мирно спящая маленькая девочка со смешно разбросанными по подушке волосами.

Милена вошла в комнату, сбросила туфли и повалилась на кресло. Не то чтобы натрудила ноги, да и вина выпила гораздо меньше, чем в прошлый раз, но день оказался насыщенным и ярким. Хотя, казалось бы, просто гуляли. С Колей. Автослесарем из прошлого, который, наверное, первый раз в жизни целовал руку даме. Милена улыбнулась, вспомнив, как церемонно он это делал, даже не замечая собственной неуклюжести.

Она вызвала профессора, тот ещё не спал и откликнулся сразу, хотя уже был в одном из своих тёмных шёлковых халатов поверх пижамы. И в тапках. Именно так – в тапках!

– Доброй ночи, Миленочка, – профессор привычно посмотрел поверх своих очков в толстой оправе. – Как ваши дела?

– Ох, прекрасно, Иннокентий Аристархович, аж ноги не держат! Набегалась со щеночком. Так вроде тихий-тихий, а нагулялась с ним изрядно. Днём ещё в Москву слетала. Простите, к вам не заскочила.

– Да ничего, – махнул рукой профессор, – отдыхай. Ту-то мы и без тебя управляемся. Да и нет пока ничего такого серьёзного, где твой острый ум...

– Ах, оставьте, старый ловелас!

– Хотел сказать, где твоя природная шустрость потребовалась бы. А со щеночком и Ли Сы дай поиграть, не всё одной-то. А то ведь знаю я щеночков, загоняет ведь.

– Точно, – кивнула девушка, – пусть Ли Сы его дрессирует. А то сегодня и впрямь платье чуть не порвал, лапки-то шаловливые.

– Хорошо, – согласился профессор. – Завтра сам прилечу. С наставлениями.

Они попрощались и разъединили связь.

* * *

Иннокентий Аристархович на своём небольшом тёмно-синем пинге прилетел совсем рано, в шесть утра. Коля сидел на крылечке и курил. Он равнодушно посмотрел на пинг, остановившийся почти у его носа (и укотивший в ангар, как только профессор вышел), на самого профессора и продолжил курить, глядя в одну точку. За горизонт, откуда недавно вошло солнце.

– Доброе утро, Коля.

Профессор присел рядом, снял очки и принялся протирать их белым платочком. Коля мысленно за ночь наговорил ему столько слов... А сейчас вдруг вспомнил как Милена нико-

гда не обижаются... Так ведь тоже можно? Может, так даже проще? А по-честному, и обида как-то сама собой куда-то... Чувствовалась лишь усталость и подавленность. Он проговорил, постарался спокойно, но получилось сквозь зубы:

– Ох и наворочал ты дел, дедушка Кеша... – И неожиданно спокойно добавил: – Я Машку во сне видел.

– Накатило, наконец? Думал, это раньше произойдёт. А ты ещё тогда спрашивал, почему родственников своих «за десятку не натащил».

– Садист! Ваше козёл!

– Всё во имя науки, Коля.

– Ну вот свои бы копии и клепал во имя науки! Или тоже нахерачил уже? Дебил в очках. Дедушка Кеша отрицательно покачал головой.

– Мы делали тогда снимки мозга у нескольких людей. У себя, разумеется, тоже. Отбирали пробы тканей, ДНК, само собой. Разрабатывали психологические портреты, чтобы создать точную модель. Но получился ты один. И больше никого не будет.

– Что? – Коля злорадно усмехнулся, искренне злорадно. – Случайно разок вышло?

– Нет, конечно. Случайно остальное не получилось. При нынешних технологиях я хоть весь НИИ три раза могу накопировать со стопроцентным совпадением. Только, Коля, это... Ладно, вижу, ты в норме, давай начистоту, – но тут дедушка Кеша вдруг осёкся и замолчал.

Из-за угла появился Пётр Робертович. Он был в одних шортах, и Коля поразился. Даже на секунду забыл про свои переживания. Это была не мускулатура культуриста, а... настоящая сила, как бы... Как если бы под кожей были не мышцы, а стальные канаты. По торсу Петра Робертовича градом катился пот, и блики восходящего солнца играли на рельефе мышц. Рядом, радостно твякая, вприпрыжку нёсся Ник. Пётр Робертович коротко кивнул Коле с профессором и с разбегу бросился в реку, а Ник едва не влетел за ним в воду, успел остановиться у самой кромки и, недовольно фыркая, принялся отряхиваться от накрывших его брызг.

– Поговорим потом, – сказал профессор серьёзно, поднимаясь и надевая очки. – Держись, мужик. И... – Он хотел что-то сказать, но передумал и просто повторил: – Держись. – Помедлил и всё же добавил: – И... ты здесь, с нами. А там... ты остался там, как будто ничего не произошло. У Маши был папа, у Ани был муж, он от них никуда не делся, так что за женщин своих не переживай. А скучать, конечно, будешь, это уж куда деваться... Ладно, пора завтракать, Пекиныч овсянку с тыквой обещал.

Пока сервировался столик (сам, конечно, не руками же тарелки с кухни таскать), Коля гулял по берегу и тосковал. И вздрогнул, когда кто-то легко тронул его за плечо.

– У вас ведь так можно... было? – тихонько спросила Милена. – Коснуться плеча. Только учти, извиняться и руку целовать не буду.

Коля улыбнулся. Натянута, конечно, получилось.

– Можно. И, если что, руку целовать тоже можно. Ногу тоже, но только тебе. А этому профессору я...

– Пойдём, – Милена взяла его под руку и потянула к столику. – Кашу сейчас подадут. И, пожалуйста, держись. А мы поможем. Кстати, знаешь, почему люди вздрагивают? Это от древнего инстинкта «бей или беги». Сначала в мозг приходит сигнал об опасности – неожиданный раздражитель, и запускается та самая инстинктивная реакция. А затем этот же сигнал обрабатывается в префронтальной коре, и в результате анализа ситуации мозг приходит к выводу, что опасности нет, и тормозит реакцию. Всё это происходит за доли секунды, но мозг успевает подать сигнал мышцам, а потом остановить движение. Поэтому человек лишь вздрагивает...

– Она немного виновато посмотрела на Колю. – Понятно? Не слишком сумбурно объяснила?

Коля пытался слушать и, вообще, как мог старался оставаться адекватным. По-честному. Только кидал на дедушку Кешу уничижительные взгляды.

Тему прошлого за завтраком не то чтобы старательно обходили, просто не касались. Наоборот, говорили о нынешнем времени. Выяснилось, что паластрум от латинского «*plaustrum*», повозка. Пинг... тут сложнее. Впервые такое средство передвижения в массовое производство запустила фирма Apple. Как раз в то время её купили китайцы, а «пинго» по-китайски – яблоко. Кстати, крылья и всякие там лопасти у него не выдвигаются, а как бы «вырастают», пинг просто меняет форму фюзеляжа. «Диалово» («круто») – тоже из китайского. «Джигуешь» – от английского «*joke*», шутить.

Но не удержались. Истинный фурор произвели выражения «телек», «как бы» и «типа». Ну и самое-самое, от чего все смеялись до слёз (Коля сам не заметил, когда он такое брякнул, а Пекиныч услышал и не постеснялся повторить в обществе): «На бесптичье и жопа соловей».

Не отпустило, но полегчало.

А сразу после завтрака дедушка Кеша пригласил Колю прогуляться. Так сказать, растряссти кашку с тостами. Они взяли по стаканчику с кофе и пошли вдоль реки.

Дедушка Кеша шёл... Именно так: дедушка Кеша. Коля не мог, да и не хотел воспринимать его по-другому. Это тот самый очкарик (до сих пор очкарик, хотя у них в будущем, наверняка, можно как-то без очков), который заманил его десяткой на тот самый эксперимент «сфотографировать мозги». И было это... позавчера? Или позапозавчера? Всё смешалось. И яркие впечатления от «будущего», Милена ещё тут такая вся растакая, всё это отвлекло на время. А вот приснился сон, и накрыло. Вспомнилось и, наконец, дошло – он не в гостях, и он больше никогда не будет дома. С другой стороны – для них, кто остался там, в две тысячи седьмом, ничего не изменилось. Тот Коля никуда не исчез. Вон, даже сапоги купил. А вот здешний, распечатанный на принтере Коля их больше никогда не увидит, уже больше никогда не войдёт в двушку в Кузьминках, никогда не ущипнёт Аньку за попу и не крикнет дочке с порога: «Эй! А ну марш отца встречать!». Держаться было трудно. И раньше бы Коля и не сдержался, нахамил бы кому-нибудь и напился бы. Но... осознание этого ещё не пришло, но где-то уже пробивалось. Здесь не те люди. Здесь не принято хамить или напиваться. Коля видел, как все вокруг ненавязчиво пытаются ему помочь. Помочь справиться. Даже когда ещё он сам не осознал, с чем ему придётся справляться.

А Милена... С Анькой остался её муж, так что тут никаких таких комплексов не было. Только вот... как же всё, оказывается, сложно!

Дедушка Кеша шёл вдоль самой кромки воды. Он ещё у столика снял ботинки, и Коля вслед за ним тоже снял, и вода иногда накатывала на ступни, было немножко зябко, но приятно, тем более, что кофе всё оставался горячим, и о стаканчик можно было греть руки.

– Коля... Даёшь слово сохранить в тайне то, о чём я тебе сейчас расскажу? – спросил дедушка Кеша, не поднимая глаз на Колю, глядя лишь себе под ноги.

– Даю слово, – серьёзно ответил Коля.

– В твоих же интересах, – веско и очень значительно произнес профессор. – Сейчас поймёшь. Эксперименты по сканированию и воссозданию мозга мы начали ещё в девяностые. В нулевые исследования подпитались серьёзным финансированием, мы много что пытались делать, но дальше сканирования дело не шло. Первые эксперименты по воссозданию мозга мы начали с две тысячи десятого, но результаты были нестабильны. В две тысячи двадцатом мы пришли к выводу, что на сто процентов воссоздать мозг можно только в теле, также воссозданном на сто процентов. Предвидя такое, мы у всех, у кого сканировали мозг, отбирали образцы тканей, создавали физиологический, психологический и чёрт знает ещё какие портреты, чтобы получить полную картину личности. К две тысячи двадцать третьему мы имели технологию, которая позволяла получать такую картину на сто процентов. Но лишь спустя пятьдесят лет, уже после Войны, мы разработали технологию воссоздания личности. Однако к этому моменту был введён строжайший запрет на клонирование, и воссоздание личности по тем «сто процентным» «сканам» подпадало под этот запрет.

– И я вернулся к своим старым файлам. К твоим... Или нашим с тобой... В общем, – дедушка Кеша вздохнул, – вот всё, что у меня было: результаты сканирования мозга, анализы образцов тканей и видеозаписи. И это стало моим самым выдающимся достижением в жизни. Которое, – профессор усмехнулся и поправил очки, – так и останется непризнанным. Точнее, не известным научной общественности. Мы разработали модель личности по обрывочным данным, но при этом добились стопроцентного «попадания». Величайшее, скажу я вам, молодой человек, научное достижение! Подпадает ли такое воссоздание личности под определение клонирования, я не знаю... Никто не знает. Поэтому эксперимент проводили в тайне у меня на даче. Готовился я к нему лет десять, даже больше. Чтобы точно никаких следов... – профессор опять усмехнулся и добавил то ли с иронией, то ли с гордостью: – Всё-таки за мной следят лучшие разведки мира.

– И чё? – Коля остановился и посмотрел прямо в глаза дедушке Кеше, но тут же отвёл взгляд. А потом взорвался: – Да чё ты ваще за хрень тут устроил?! Мне тут теперь...

– Прости, Коля, – профессор не дал ему договорить, – пока не знаю. А что? Живи тут пока, наслаждайся. А там придумаем что-нибудь. Давай только переждём немного, в себя придём.

– Хренасе, «наслаждайся»! Да... да... – слова правильные Коля подобрать не смог, а от возмущения ещё и дух перехватило. – Да похрен мне на твои секреты и грёбаные эксперименты! Слышал?! ПОХРЕН!!! Я чё тут теперь должен... – и он запнулся, подбирая слова.

– Ты про «золотую клетку» хотел сказать? Не совсем правильная была бы аналогия. Мы придумаем что-нибудь. А пока – будь гостем. Да и пережить всё это вот так, в домике у реки, проще, чем если бы тебя в «большую жизнь» выпустить. Поверь, современный мир ничуть не проще того, из которого я тебя перенес.

Коля молчал. Обдумывать не получалось, он был разъярён! И ещё было себя очень жалко. Сквозь вихрь переживаний мелькнула мысль: а ведь мечтал же о беззаботной жизни, точнее, фантазировал, как о несбыточном, а тут вот на тебе! Сам же хотел! Но Кеша реально козёл! Вытащил, не предупредив, урод, хрен знает куда! А тот, «настоящий» Коля... И вдруг дошло! И на месте ярости вдруг образовалась пустота.

– Кеш... а я... когда...

Дедушка Кеша остановился, повернулся к Коле и внимательно посмотрел ему в лицо. Потом снял очки, отхлебнул кофе. И сказал глухо:

– А вот с этого момента давай разделять «я» и «он». Он умер в семьдесят три. Его родители, жена, дочь... – но тут профессор не выдержал и отвернулся.

– Я могу на могилы съездить?

– Сейчас нет, а в принципе, конечно. Только, пойми правильно, нам это нужно организовать.

– Да пошёл ты в жопу со своими «пойми правильно»! Сам себя вытащи куда-нибудь и понимай правильно!

Но дедушка Кеша молчал, лишь шёл вдоль реки да отхлёбывал из стаканчика.

– Кофе-то хоть попробуй, – вдруг сказал он, глядя под ноги. – Вкусный. И он-то ни в чём не виноват.

– Да виноват!!! – заорал Коля, и оставшиеся у стола замерли и уставились на него. – Вы все тут виноваты!!! – проорал он куда-то в небо.

– Ты здесь, Коля. И раз я сумел тебя перенести в этот маленький мир, то смогу вытащить и в большой. А тебе придётся потерпеть, нравится тебе это или нет. Если, конечно, не хочешь стать подопытным кроликом для людей менее деликатных. Нет, если хочешь, *нивапрос*, – слово из прошлого ударило как электрический разряд, – поехали, высажу тебя в центре Москвы, и иди куда хочешь.

– Хочу!

– Подумай ещё раз. Головой, если умеешь.

И вдруг резкое яростное дыхание сбилось, и опять накатила опустошённость, а раздражение вдруг сменилась тоской. Кидало то в жар, то в холод. Коля обречённо кивнул.

– Кеш... а я был...

– Он был, – мягко поправил его профессор, – он был хорошим человеком, Коля. Каким будешь ты – зависит от тебя. Вот, возьми, – он достал из внутреннего кармана и сунул Коле старый пожелтевший конверт. – Почитай потом, когда вернёмся.

– Что это? – Коля схватил конверт и принялся было вскрывать, пытаясь поддеть ногтем приклеенный уголок, но профессор накрыл его руку своей.

– Подожди. Почитаешь у себя в комнате. Не на ходу.

Сзади послышался резкий вой рассекаемого воздуха, и они оба быстро обернулись. С неба почти вертикально пикировал огромный чёрный истребитель. Коля такое видел в кино, поэтому уже знал, что это. Огромный – потому что в Колино время истребители были гораздо меньше, а этот был метров сорок в длину и метров пять в сечении, размах могучих крыльев достигал метров пятидесяти, наверное. Где там кабина, пилоны (так, вроде?), пушки-бомбы-лазеры и что там у них ещё имеется, Коля разобрать не смог, потому что конструкция была очень сложной конфигурации. Истребитель на сумасшедшей скорости свалился с неба, и, уже почти врезавшись в воду, выровнялся в горизонт, пронёсся над рекой и мягко приземлился на лужайке у дома. Потом, намного позднее, Коля выучил выражение «виртуозно погасил скорость до нулевой в точке касания».

– «Грифон» последнего поколения, – прокомментировал профессор. – В небоевой атмосферной конфигурации. За Миленой.

Но Коле не до того было. Не до Милены с истребителями. Вообще не до того! В ушах бешено стучало, но пелена с глаз стала спадать, ярость гасла, в очередной раз сменяясь тоской. Внутри было пусто. Совсем. Не совсем. Себя было жалко, до слёз.

Они развернулись и побрели к дому, так же, вдоль воды. Молчали и смотрели на небольшие набегающие волны.

Дедушка Кеша вздохнул.

– Прости, повторяться приходится... Держись! Если что, я до обеда здесь, ближе к вечеру улечу в Москву, у меня несколько встреч допоздна. А вон и Миленочка к нам бежит! попрощаться, наверное. Ты уж ей не дерзи, хорошо? Эх, – дедушка Кеша по-стариковски крикнул, – и что она в тебе нашла? – Профессор пожал плечами. – Наверное, что-то, что мы с тобой пока сами в тебе не рассмотрели.

Коля пропустил эти слова мимо ушей и попытался зашвырнуть стаканчик в реку, но профессор успел схватить его за руку, отчего обоим досталось по несколько горячих капель.

– Если хочешь, швыряй, конечно, – мягко сказал профессор. – Только завтра, хорошо?

Подбежала Милена и что-то начала быстро говорить про то, что ей надо, но ненадолго, что она сегодня же постарается вернуться, чтобы Коля тут с Ли Сы... Но Коля не слушал, а просто шагал вдоль реки. Стаканчик он в воду не зашвырнул, но ни глотка из него так и не сделал.

Он забрался в лодку, пришвартованную у небольшого причала, шлёпнулся на банку и достал конверт. В лодке он просидел до полудня, а потом ушёл к себе в комнату и больше не показывался до конца дня.

Это было письмо, написанное от руки. Старое, как только бумага сохранилась...

«Привет, Коля!

Странно обращаться к самому себе вот так. Раз ты это читаешь, значит, тебя ещё раз «разбудили», и моё письмо до тебя дошло. Я пишу тебе, не зная, сделают ли они это ещё раз, а если сделают, то когда... И получишь ли ты эти страницы... Но вдруг...

Меня «разбудили» через восемь лет после сканирования, в две тысячи пятнадцатом. Они не смогли восстановить тело, поэтому данные перекачали в мозг другого человека. Это был мужчина, который погиб, но мозг было возможно пересадить. Короче, чего-то там поколдовали, и я оказался в чужом теле. Но воспоминания перенесли чётко. Просто показалось, как будто сканирование продолжается, только тело вдруг ослабло. Сутки привыкал к телу, руки-ноги не слушались, есть не получалось и походы в туалет не контролировал. Но пообвыкся, а через несколько дней уже выполнял в спортзале все упражнения. Курить, сволочи, не давали совсем, но потом понял, что правильно сделали. Этот предыдущий владелец тела не курил и вообще такой спортивный был.

Колька, это первое открытие, которое я сделал. Или осмыслил. Не кури и занимайся спортом! И ещё (раньше бы сказал «жри») поменьше, правильное и вовремя. Вообще реально по-другому себя чувствуешь! Даже мозги по-другому работают. Раньше, ты помнишь, на пятый этаж пока зайдёшь, так лёгкие наружу, а сейчас легко!

Эксперимент по «пробуждению» от всех держали в секрете. «Разбудили» три месяца назад. И я скоро умру. Совсем скоро. Мозг так и не прижился в новом теле. Хотя сначала всё шло хорошо, но потом началось какое-то отторжение. И я снова не в состоянии ходить, и меня уже скоро будут кормить через трубочку. И пока я могу держать ручку, я пишу. Для меня это последний шанс сказать тебе то, что хочу сказать. И вдруг будет ещё шанс, ещё одно пробуждение...

Колька! Какой бесцельной жизнью мы с тобой жили!

Сначала меня вообще долго никуда не выпускали. Я жил в лаборатории где-то за городом, мне разрешали гулять во дворе под присмотром очень крепкого санитаря, иногда приезжал молодой профессор из Москвы, который ещё тогда на сканировании аспирантом был (Кеша, тот самый «очкарик на Фокусе»). Давали смотреть телевизор, бродить по Интернету, но писать ничего нельзя было сначала. Потом позволили создать страничку в «Контакте», но под чужим именем и с левой фоткой.

А через две недели привезли меня. Того, настоящего. И я увидел, во что он превратился за десять лет. Колька, это не время безжалостно, это мы можем жить достойно или недостойно. Это мы решаем, какими нам быть, и как нам жить. Раньше я так не думал. Казалось, что как ни бейся, если ты не родился в семье олигарха, то суждено тебе всю жизнь гайки крутить. А потом пить пиво и играть в приставку. Не вырвешься из этого. И эти фразы: «А что я могу сделать? Нет, если бы мне дали возможность...». А когда я увидел себя сорокалетнего... Я заплакал. Польсевший, с брюшком и постоянно харкающий от курения. В замызганной куртке, засаленных джинсах и стоптанных ботинках.

Знаешь, все две недели до этого я общался с молодыми ребятами-лаборантами и с профессором. Колька, какие это люди! Я раньше таких и не знал. А если бы встретил где-то, то не стал бы с ними разговаривать, не о чем было, и посчитал бы их занудами-очкариками. А в мире столько интересных людей, столько умных книг, хороших фильмов и мудрых мыслей! И столько возможностей!

Я спросил его: «Колька, как ты до этого докатился?» Знаешь, что он ответил? «Ну, а что я мог сделать?». А лаборанты, аспиранты и профессор реально по жизни что-то делают. За небольшие зарплаты и за большую научную идею! Они не оторваны от реальности, наоборот, они создают то, что через десятки лет преобразит мир.

Сейчас Чехова рассказы читаю. Они короткие, что-то длинное уже могу не успеть. А первым прочитал Достоевского, «Братья Карамазовы». Это единственная книжка, которую мне в палату положили. Вот машинально открыл... а потом как-то втянулся. Коль, реально круто! Я же не знал, что Достоевский так живенько пишет, думал, занудство это всё. А сейчас мне остались дни или недели, и я только и могу, что читать. И я так хочу прожить подольше, чтобы

ещё прочитать, ещё услышать Моцарта и Баха и ещё поговорить с профессором и ребятами. Я никогда так сильно не хотел ЖИТЬ!

Последний раз мы с ним встречались несколько дней назад. И я ему сказал, что ещё не поздно, ещё всё можно изменить! А он отвечает: «Ну, ты мне скажи, что делать конкретно». И я ему про книжки, про возможности в жизни, а он: «И чё? Прочитаю Достоевского, и меня сразу на работу возьмут с большой зарплатой? Или, если не прочитаю, то не повысят? И чё, все, кто на «мерсах» ездят, они Достоевского прочли?».

И я для себя так это сформулировал. Если ты станешь другим человеком, станешь лучше, то твой мир станет больше. Откроется то, о чём ты не думал. И я ему сказал: «Я не знаю, какие возможности у тебя появятся, если ты возьмёшься за себя. Но если продолжишь плыть по течению, то, скорее всего, никакие не откроются». Я репетировал эту фразу целый день перед встречей, подбирая слова... а он так и не услышал. И я вспомнил, что писал Достоевский: «Зачем что-то делать, когда можно просто мечтать».

Знаешь, что бы я делал, если бы вернулся в свои тридцать? Или даже в сорок, ещё не поздно. Я бы прочитал все книги, я бы слушал классику, я бы смотрел хорошие фильмы и отключил бы антенну у телевизора (это меня один аспирант научил, говорит, сразу появилась масса времени). Я бы пошёл учиться. Не знаю, на кого. Только не на абстрактно менеджера, а на какие-нибудь курсы по специальности. И выучил бы английский. И точно перестал бы халтурить, и работал бы по-честному, со всей отдачей. Занялся бы спортом. Никогда не думал, что фразу «в здоровом теле здоровый дух» надо понимать буквально. И, знаешь, всё бы получилось. Точно знаю. Может, не сразу. Но кто-то бы заметил перемены во мне, как-то я бы продвинулся по жизни. А там видно было бы. Я ему всё это сказал, а он мне: «Ой, да мне уже поздно учиться, да и денег это стоит немеряных». Спрашиваю, каких денег на кого стоит учиться – понятия не имеет.

Знаешь, кем он работает? Продавцом запчастей. И всё. И если не произойдёт чуда, то этим всё и закончится. А он говорит: «Еще хорошо, что такая работа есть, а то у нас вон мужики вообще без работы сидят или машины моют». Ну, и, мол, у них там как ни учись, никуда не продвинешься, что зам. директора и директор «свои люди» владельца магазина. Бубнит: «А кто меня куда возьмёт, сюда-то по благу устроился».

И всё, что он хотел, это вытащить нас на какое-то ток-шоу на телевидении, чтобы «срубить бабла». А что? Привет из прошлого, герой научной сенсации, всё такое. Но профессор какие-то связи подключил, в общем, ему объяснили, что история останется в тайне и будет рассекречена через много лет. И его то ли напугали, то ли денег дали, а может, и то, и другое, но он, вроде, никому ничего не сказал.

Нам с ним оказалось не о чем беседовать. Совсем. Кроме новостей, как дома и как на работе – не о чем. Нет, сначала было интересно послушать, как там футбол, что он купил домой и «какую тачилу в кредит взял». В Турцию два раза отдыхать ездили, потом кредиты отдавали. Телефон сотовый свой новый показал.

А знаешь, пока его ко мне не привезли, очень интересно было, куда техника шагнула, как мир за десять лет изменился. А потом, как с ним встретился, так всё опустилось. Плакал до утра. Реально плакал. Мне же тогда, тридцатилетнему, казалось, что всё ещё впереди, что скоро всё наладится, потому что не может не наладиться. А оказалось, что никаких таких перемен. Помнишь, как у Макаревича?

Так верили, что главное придёт,
Себя считали кем-то из немногих,
И ждали, что вот-вот произойдёт
Счастливый поворот твоей дороги.
Но жизнь уже как будто на исходе,

И скоро, без сомнения, пройдёт,
А с нами ничего не происходит,
И вряд ли что-нибудь произойдёт.

А я скоро умру. Но есть то, что заставляет меня цепляться за жизнь. Это надежда. Я иду, но на свете останется несколько частичек меня. Мало кому выпадает такой шанс, чтобы сразу несколько.

Я видел Машку. Ей двенадцать. Ему разрешили пригласить меня домой. Колька, у нас ещё есть дочка Василиса, ей сейчас пять. Я не увижу их взрослыми и не узнаю, как сложилась их жизнь – профессор отказался сканировать мой нынешний мозг. Но как хочется, чтобы их увидел ты! Чтобы не было слишком поздно, чтобы ты мог их обнять и прижать к себе. Я им тоже написал письма, чтобы доставили через десять лет, сейчас ещё рано, да и вся эта секретность...

Колька, у нас прекрасные дочки! Мне разрешили провести у него дома всего час, да этого оказалось и достаточно. Он представил меня как своего знакомого. Я увидел Аню. Она тоже изменилась. Видно было, что очередной гость ей в тягость, но за этим чувствовалось, что ей в тягость вообще все. Был четверг, и они оба говорили: «Слава богу, завтра пятница». А в выходные – магазин, готовка, уборка и телек. Может, в кино. И детей в зоопарк, если погода будет хорошая. А я смотрел на сорокалетнюю, немного располневшую женщину и понимал, что люблю её, люблю, как никогда не думал, что могу любить. Что в прежней жизни рядом был человек, к которому привык, привязался. Но я тогда даже не представлял, насколько этот человек родной.

Какие всё-таки у нас дочки! Я смотрел на них и понимал, что они не будут такими, как он. Не знаю, почему, но я это видел. Они немного посидели со взрослыми и быстро убежали. А я ему что-то пытался про воспитание... Эх, да было бы кому... А на прощание я дочек обнял и поцеловал. Когда я коснулся руки Машеньки, я думал, сейчас взорвётся и мозг, и душа и весь мир! И Василиса... в прежней жизни её не было, совсем. Но я прижал её к себе и услышал, как бьётся сердечко. Родное-родное. Частичка меня. И тебя.

Знаешь, за что бы я отдал все на свете самые интересные фильмы и вообще всё, что в кино, по телевизору и в игровой приставке? За то, чтобы хотя бы десятую часть этого времени, на развлечения потраченного, просто гулять в парке. Семьёй. Аня, дочки – они ведь всегда были так близко, а мы с тобой были от них слишком далеко. Мыслями и душой мы слишком часто были не с ними.

Больше я к ним не ездил. Хотя, завтра меня отвезут посмотреть на них из машины. Я попросился в последний раз их увидеть.

И вот ещё. Знаешь, какая мысль была первая, когда я понял, что меня «разбудили» через десять лет? Как на этом срубить бабла и как бы тот прежний Коля мне конкуренцию не составил. Не знаю, когда и с какой мыслью «проснулся» ты. А знаешь, что бы первое я спросил сейчас? Живы ли мама и папа.

Я был на их могиле. Они вместе. Если бы «проснуться» на полгода раньше, я бы успел застать маму и с ней поговорить... И ещё раз услышать её, услышать, что она скажет. Хотя, нет, слова-то помню. Только вот смысл приходит лишь сейчас.

Чувствуешь, как изъясняться стал? Скажи, не как раньше! Это польза литературы. Хочется поставить смайлик, но культура не позволяет)))

И ещё одна моя надежда – это ты. Проживи так, чтобы у нас с тобой были потомки, и чтобы они тобой гордились. И чтобы мы гордились ими.

Когда уже обратно в клинику возвращался, песня по радио была. «Ромео и Джульетта» Галанина. Послушай... Может, поймёшь что... Меня зацепило. А может быть, ещё успеешь их застать.

Удачи!

Коля»

И ещё в конверт была вложена фотография. Семья.

Он плакал. Лежал и плакал. В подушку, в рукав, уткнувшись в стену. Пытался вспомнить лица, прикосновения, запахи, жесты, слова. Самые-самые мелкие детали. Вспоминалось легко, потому что было совсем недавно. И накатывала новая волна, и он опять плакал. Беззвучно, лишь непроизвольно дёргая плечами.

Уже когда солнце начало клониться к горизонту, в комнату вошёл профессор. Без стука, только скрипнула половица. Вошёл, снял очки и серьёзно посмотрел на Колю.

– Прочитал? Переживи сегодняшний день, Коля. У тебя новая жизнь. И ещё один шанс прожить её достойно.

– Спасибо... тебе... сказать?... – сквозь всхлипывания в три приёма сумел проговорить Коля. – Вершитель судеб хренов!

– За шанс? Это уж тебе решать. До завтра.

И вышел.

И Колю мысли совсем унесли, и время остановилось, и дальше всё было как в забытии...

... как на дне рождения у Андрюхи познакомился с Анькой, как с родителями ходил в цирк и обляпался мороженым, как в сервисе чуть машина с подъёмника не грохнулась, как Машку на шее катал, а она его описала, как зимой в школе железный забор лизнул, как папа ушёл из дома, а потом вернулся, как Машка, визжа, на санках каталась с горки, как умерла бабушка, как в садик пришёл с новой машинкой, как родители «отмазывали» от армии, а он понтовался, мол, пойду послужу, как на первой работе спёр коробку шурупов, а его поймали, как первый раз курил за школой и закашлялся, как неумело объяснялся Аньке в любви и как, если приходил не поздно, кричал с порога: «Эй, ребёнок, а ну марш отца встречать!», и как приходил поздно, и как непростительно часто это делал, и как папа отходил его ремнём за разбитую дверцу серванта, и мамины пироги, и папин шашлык, который сам так и не научился готовить...

... и он, опять переживая уже оставшуюся позади жизнь до мельчайших, почти забытых деталей, изо всех сил цеплялся за прошлое.

Очнулся он, когда на улице уже было темно. Стояла глубокая ночь. Небо было ясным, мерцали звёзды. Скрипнула уже почти родная половица, дверь открылась, и в проёме возник знакомый силуэт. Уже привычный взмах каре... Привычный и такой... долгожданный? В руках у Милены было что-то массивное, но Коля не разглядел, что именно. И как будто чашки позвякивали.

– Уже, конечно, за полночь немного, – почти шёпотом проговорила девушка, – но я подумала... Может, согласишься чаю со мной попить? Мы тут с Фёдором Пекиновичем плюшек тебе напекли. Быстренько как смогли... Хотя, на ночь вредно, конечно... Можно войти?

Коля сел на кровати и опять заплакал. Но сейчас плакать было легко.

* * *

Пафосные рестораны Иннокентий Аристархович не любил. Был когда-то давно в жизни период, когда появились первые настоящие деньги, которые открыли жизнь с неизвестной доселе и даже где-то неожиданно приятной стороны. Но интерес к роскошному антуражу так и не появился. Нет, вкусно поесть профессор был отнюдь не дурак, но по возможности старался столоваться тем, что готовили его повара, коих было три – дома в Москве, на даче в Истре и в НИИ.

А уж как место для деловой беседы рестораны он вовсе не рассматривал, если только не был вынужден. Но и в родной, а впоследствии собственный, НИИ он абы кого приглашать не любил, предпочитая выбираться для встреч в офисы собеседников.

Со временем, когда необходимость в офисах постепенно стала сходить к нынешнему небольшому уровню, и офисов как таковых становилось всё меньше, а ресторанов всё больше, последние заполнили нишу, предлагая клиентам бизнес-помещения. Появились разнообразные «переговорные» практически на любой кошелёк, и в конкурентной борьбе победили те, что предоставляли не только столы и стулья в четырёх стенах, но и какой-нибудь перекус или ещё что-нибудь дополнительное. Появились «тематические» места для делового общения: курительные, бильярдные, или, например, совмещённые с бассейнами. Однако особой репутацией пользовались и самую высокую цену выставляли те, которые гарантировали от прослушивания.

Впрочем, был один ресторанчик, который Иннокентий Аристархович любил. «Леся». Он принадлежал украинской семье, столиков там насчитывалось пять, и кухня была домашняя, из настоящей печи. Но об этом мало кто знал.

Виталий Вениаминович Пожарский и Марат Генрихович Гутман, крупные российские бизнесмены, о маленьком пристрастии нобелевского лауреата не ведали, а вот о его лёгкой антипатии к роскошным ресторанам им было известно вполне, поэтому они предложили встретиться в «Сити-Клубе» – хорошем месте для деловых встреч в «Москва-Сити». Непонятно почему Иннокентий Аристархович любил этот островок архитектуры вековой давности, и с причудами старика приходилось считаться.

С обоими предпринимателями профессор был знаком, встречались на мероприятиях, но близко не сошлись.

Встретились в пять пополудни. Комната для деловых бесед была одной из лучших в «Сити» – на высоком этаже, с видом на реку, на Дом Правительства и парк на противоположном берегу.

Немного поговорили о неважном, но к делу перешли быстро, как только подали чай.

Пожарский, статный мужчина с окладистой бородой, в простом костюме без галстука, уверенно, несуетливо взял в руки чашку с блюдцем, немного отпил и важно кивнул, одобрив тонкий вкус. Затем изрёк:

– Очень высоко мой отдел перспективных проектов оценил ваши последние работы по ментальному управлению. Изрядно были впечатлены, – у Пожарского был глубокий проникновенный баритон, и говорил он степенно, придавая каждому слову особый вес.

Иннокентий Аристархович склонил голову, обозначая благодарность за высокую оценку и её приятие, весело сверкнул стёклами очков, но ничего не сказал, продолжил слушать.

– Вот мы и подумали... Вы же нас, предпринимателей знаете, – Пожарский сделал ещё глоток и лукаво улыбнулся сквозь бороду. – Мы ж из всего пытаемся выгоду извлечь. Уж не обессудьте...

Профессор откинулся в кресле с чашкой чая и продолжил внимательно, лишь с чуть заметной иронией, смотреть на собеседника.

– Ну так мы подумали, может, поспособствовать могли бы исследованиям вашим?

«Надо было сказать – мож, поспособить чем? – Иннокентий Аристархович чуть было не рассмеялся. – Работать и работать ещё над имиджем!»

– Как именно поспособствовать? – профессор постарался изобразить искреннее непонимание.

Хотя мысли о содержании предстоящего разговора вполне имелись. Скорее всего, предложат финансирование промышленной разработки с тем, чтобы впоследствии разделить доход от производства. Более половины своего состояния Иннокентий Аристархович сделал таковым или схожим образом, а потому разговор вызывал у него интерес. Не будоражил, как много

ранее в подобных случаях, нынче он был обыденным, рутинным, но если есть возможность, так отчего ж отказываться?

– Мы предлагаем вам, – отчеканил Гутман, который до сего момента так и не приоткрылся к чаю, – финансирование промышленных разработок. В частности, нас интересуют системы ментального управления вычислительными системами.

Гутман был совсем другого склада, чем Пожарский. Невысокий, грузный, коротко стриженный, с носом картошкой и оттопыренными ушами. Говорил спокойно, по делу, чётко формулируя мысли и правильно подбирая слова.

– Ну-у... – протянул Иннокентий Аристархович, – вряд ли мы с вами здесь техническую революцию устроим. Вас ведь, думаю, интересует предприятие, которое изрядный доход принесёт, необычайный. А управление вычислительными системами с помощью мыслеобразов – оно уж вовсю повсеместно используется.

Гутман быстро зыркнул на Пожарского, а тот вдруг рассмеялся, как-то надрывисто.

– Ох, лукавите, Иннокентий Аристархович, – проговорил он сквозь смех, – аль скромничаете!

Иннокентий Аристархович улыбнулся, но не ответил, лишь пожал плечами и перевёл взгляд на Гутмана, который, наконец, сделал глоток чаю, быстрый, нервический, но тоже расплылся в улыбке.

«Вот ведь ведут себя как клоуны, – подумал профессор. – Меж тем, сами-то отнюдь не шуты, огромные деньги заработали, пусть даже оба при изрядных стартовых капиталах, унаследованных от не менее предприимчивых отцов и, бери шире, дедов и прадедов. А эксцентричность нынче-то в моде, и, коль есть возможность, что ж и не покуражиться? Вполне объяснимо и извинительно. Да и повеселее так-то будет».

– Очень надеюсь на откровенный разговор, господин профессор, – снова вступил Гутман. – Давайте сделаем так: мы вам выскажем наши соображения, а вы подумаете? – И, не уловив какого-либо возражения, а наблюдая лишь интерес собеседника, продолжил: – Системы ментального управления вычислительными системами, о которых вы упомянули, в практике предполагают также некоторые физические действия. Например, подтверждение операции, совершённой мыслеобразами, с помощью меню символов или технического средства. Самый простой пример: если в отеле вы устанавливаете будильник, то время пробуждения и тип будильника вы вводите мыслеобразами, но для подтверждения вам всё же придётся сделать жест рукой. Для более сложных систем потребуется подтверждение через личное меню символов. Мы же говорим о таких системах, когда все эти действия можно будет выполнять лишь мыслью. Подчёркиваю – лишь мыслью и ограничиваясь, когда ментальная команда будет достаточна для выполнения операции. Как нам всем известно, единственным ограничением для отказа от дополнительных действий является то, что называют «случайной мыслью». Мы осмелились предположить, что вы близки к преодолению этой проблемы.

– Да-с... – Иннокентий Аристархович задумчиво посмотрел вдаль, на парк за рекой. – Впору вам вашим перспективным отделам названия сменить... «Промышленный шпионаж» – дефиниция, конечно, в лингвистическом смысле изрядно устаревшая, однако ж, полагаю, вполне уместная.

Гутман нервно дёрнул уголками губ, а Пожарский довольно улыбнулся. Даже как-то само-довольно. Но не заспорили. И то хорошо, не юлят.

– Вам известно о нынешней стадии исследований? – произнёс Иннокентий Аристархович с вежливой улыбкой.

Собеседники поняли эту улыбку правильно – профессора осведомлённость предпринимателей о его разработках, пусть даже к тому времени и не опубликованных, не удивила, да и не расстроила ничуть.

– Известно, – ответил Пожарский с лёгким поклоном.

«Да чёрта тебе лысого известно! – весело подумал профессор и почему-то вспомнил о Коле. – Было б известно, не финансирование бы разработок предлагал, а лицензию просил. Вызвали-то вызвали, да поди ж не всё».

– Так мы тут покумекали, – продолжил предприниматель, – да и набросали идейки-то наши. Вот, – он протянул профессору лист уже забытого ныне «флекса»: устройства, заменившего в начале двадцатых планшеты, а вскоре и обычную бумагу.

«Что ж не на бумаге-то? Как во времена, к коим архаический имидж отсылает?» – иронически подумал профессор и вздохнул.

– Так, Иннокентий Аристархович, взгляните на досуге. Может, и пробудится интерес-то...

Иннокентий Аристархович согласился взглянуть вскорости. На том и порешили.

* * *

На Истринскую дачу Иннокентий Аристархович и Ли Сы вернулись за полночь. После встречи с предпринимателями профессор отправился в НИИ, где коротко поделился содержанием беседы со своим управляющим, Григорием Никитичем Потёмкиным, а затем вместе с учёными углубился в результаты исследований дня минувшего и думы на день грядущий. «Ой, а оно заразно», – весело отметил он, поймав себя на велеречивых «думах».

Спальня хозяина дачи располагалась на третьем этаже, прямо над комнатой, выделенной Коле. Спальня была небольшой, однако современные технические достижения и высокий вкус хозяина позволили сделать её обстановку не только уютной, но и далеко не спартанской. К спальне примыкал изящный балкон с видом на реку, точно над верандой Колиной комнаты.

Сон у Иннокентия Аристарховича, несмотря на возраст, был вполне себе здоровый, а временами даже чересчур. Но, опять же несмотря на возраст, профессор себе спуска не давал и, если не было извинительных обстоятельств, строго следовал режиму. Поэтому он привычно проснулся в шесть тридцать утра от позвякивания чашки с чаем, доставленной ему в комнату. Иннокентий Аристархович медленно разлепил веки, поморгал, привыкая к свету. Вдохнул аромат свежесваренного чая и улыбнулся наступившему дню. Он сел на кровати, сунул ноги в тапки, потянулся... Было совсем тихо, тоже как обычно по утрам. Однако с улицы, с реки, через открытую дверь балкона доносились какие-то странные всплески. Профессор надел один из своих любимых шёлковых халатов (сегодня он выбрал голубой с ярко-жёлтым солнцем во всю спину и с лучами, сходившимися на груди), взял блюдо с чашкой и вышел на балкон.

Одна из лодочек лихорадочно металась посреди реки. Коля отчаянно лупил вёслами по воде, вздымая столбы брызг, а Пётр Робертович, ожесточённо жестикулируя, видимо, пытался объяснить Коле, как гребти правильно. Оба были в тренировочных брюках, босиком и голые по пояс, их майки и спортивные туфли валялись, небрежно раскиданные на берегу.

Пётр Робертович... Петька Шереметьев... Позывной «Бриз»... Обрывки радиообмена... «Тяж на девять часов!»... «Ладья – Бризу! Уходи, прикрою!»... «Три беспилотника на восемь, расходятся»... «Два трёхсотых, один двухсотый, гражданские в порядке!»... «Крок – Бризу. Академик еле ноги переставляет. Хоть на себе тащи. Может, закопаем его здесь до весны, пока снег не сойдёт? А в апреле вернёмся, выведем?»... Оглушительный взрыв, а за мгновение до него – падение лицом в снег и навалившийся сверху человек в чёрном «Ратнике»...

Профессор было уж совсем погрузился мыслями в прошлое, но от воспоминаний его отвлекла вышедшая на порог дома Милена. Мужчины в лодке её не видели, и она не знала, что Иннокентий Аристархович на неё смотрит. Девушка с полминуты, сложив руки на груди, понаблюдала за интенсивным усвоением урока гребли, одобрительно трянула своим каре и вернулась в дом.

Иннокентий Аристархович повторил одобрительный кивок, мысленно согласившись с тем, что в мальчике что-то есть, и тоже вернулся в комнату.

Поскольку все встали, завтрак наметили на половину восьмого. С погодой опять повезло, поэтому завтракали всё так же на берегу. И Коля, и Пётр Робертович явились к столу последними, однако точно ко времени. Оба были возбуждённые, только вот Коля своего состояния скрыть почти не мог. Однако, вежливо пожелав всем доброго утра, он затем почти всё время молчал, лишь на еду набросился прямо-таки остервенело!

Остальные беседовали вполне оживлённо. В основном обсуждали вчерашнюю встречу Иннокентия Аристарховича с предпринимателями, которую тот пересказал немногословно, но красочно. Милена и Ли Сы отпустили несколько иронических замечаний как о манере поведения обоих бизнес-партнеров (они встречались прежде при разных обстоятельствах), так и, уже вполне серьёзно, поговорили о коммерческом интересе к пока что секретным разработкам.

Неожиданно в разговор вступил Пётр Робертович. Как всегда, по делу и лаконично:

– А в чём, думаете, интерес этих людей?

Иннокентий Аристархович посмотрел на него, хитро прищурившись сквозь очки.

– А очевиден! – выпалил Ли Сы. – Всё как обычно, не раз такое бывало. Финансирование разработки в обмен на право использовать технологию. Как любой новый продукт – кто первый выходит на рынок, тот снимает сливки. Ещё и эксклюзивные права попросят!

– А я думаю, – заговорила Милена, застыв с ложкой варенья, – что их может интересовать какая-то часть... Какое-то конкретное применение технологии. Например... не знаю.

– Например, управление военными комплексами, – помог ей Иннокентий Аристархович. – Чтобы получить заказ от Министерства обороны и выступить единственным поставщиком?

– Вряд ли, – тут же вставил Ли Сы. – Всем известны особые отношения нашего НИИ с военными. Иннокентий Аристархович не допустит, чтобы разработки, которые могут быть использованы для обороны, вышли из-под контроля.

Коля поднял было голову, чтобы поинтересоваться чем-то, наверное, упомянутыми особыми отношениями, но ничего не спросил и вернулся к тарелке. Сегодня Фёдор Пекинович приготовил гречневую кашу с кедровыми орешками, и Коля уже почти расправился с третьей порцией.

– Он о Войне спрашивал, – вдруг серьёзно сказал Пётр Робертович, кивнув на Колю.

– Думаю, – тихо сказал профессор, внимательно разглядывая круассан, который он старательно обмазывал вареньем, – если действительно они имеют в виду что-то определённое, то это ментальное управление банковскими счетами.

Милена вдруг поставила чашку кофе на стол и откинулась в плетёном кресле, которое тут же отреагировало, услужливо подстраивая спинку под новую позу. Она прищурила глаза, задумавшись, и Иннокентий Аристархович, уловив ее состояние, едва заметно кивнул.

– Коля! – вдруг весело воскликнул он, – а не прогуляться ли нам вдоль берега по недавно заложенной, но уже прочно вошедшей в обиход традиции?

Милена наклонилась к Колиному уху.

– «Отчего ж, милый профессор! – просуфлировала она одними губами, но все, конечно, слышали. – Однако, ежели опять сюрприз в рукаве припасли, как вчера, тогда уж увольте, отнюдь!»

Все рассмеялись, а Коля, как умел, церемонно кивнул девушке и вдруг выдал:

– Ну что ж, веди, сюрпризов кладесь! Очередной раз приложи меня лопатками наземь!

Первым зааплодировал дедушка Кеша, и тут же к нему присоединились остальные. А профессор сквозь смех тихо-тихо добавил:

– Солнце русской поэзии, б...дь!

– Если совсем коротко, то к две тысячи двадцать пятому году китайская популяция сибирских городов и деревень составляла уже почти половину населения. Китайцы стали заявлять о своих правах, усилились политические требования. Дошло до массовых акций, похоже, подогреваемых из Китая, а, может, и из США вместе с Европой. Тогда они ещё выступали единым фронтом, хотя раскол западного общества наметился гораздо ранее... Коля, ты кофе пить будешь? Или водную цель себе подыскиваешь?

Они опять шли вдоль берега, опять держали стаканчики с неостывающим кофе. В этот раз Коля... нет, он не был спокоен, и эмоции всё ещё бушевали. Но было видно, что он старается взять себя в руки... И что, наконец, приходит полностью осознанное: «Это случилось. В реальности. Со мной».

– Наземная у меня цель, – буркнул Коля. – Только отойди подальше, чтобы не в упор метать.

– У-у-у... – задумчиво протянул дедушка Кеша. – Петька тебя так шутить научил? А быстро схватываешь, вьюнош!

Коля сделал глоток кофе, надо сказать, с наслаждением, и злобно зыркнул на профессора.

– Ты, дедушка Кеша, не отвлекайся от своей политинформации. Так что там с китаёзами?

Профессор кивнул и продолжил:

– Так вот, китайское население сибирских городов начало заявлять политические требования. Точнее, ещё раньше в местных и региональных законодательных органах стало появляться всё больше китайцев и солидарных с ними традиционных представителей местного населения разных национальностей. Потом дошел черед до уровня региональных министров, судей... Китайцы и их лоббисты стали проникать во все сферы власти и уже начали выходить на федеральный уровень. Надо сказать, тогдашний Президент, ориентируясь на своего кумира Путина... Путина ты застал, да? Ну, конечно, застал! Правда, не во всей красе, но представление имеешь. Так вот, тогдашний Президент совершил действие, но не решительное и сильное, как он думал, а просто резкое – он ограничил политические права китайцев. Просто так, по национальному признаку, без учёта гражданства. Тут же китайцы возопили о нарушении прав. Страсти разжег перманентный скандал в СМИ, а потом напряжение вылилось в массовые акции. Президент, с одной из цитат из своего кумира на устах, правда, вырванной из контекста, жёстко разогнал одну демонстрацию, ещё жёстче пресёк другую, а потом случилась просто резня. Видимо, спровоцированная, скорее всего, европейцами. По крайней мере, на тот момент это была рабочая версия. Американцы к тому времени утратили свою мощь, а вот разогреть толпу для влияния на власть, европейцы у них успели научиться. К сожалению, уроков было преподано множество... Ну, и то ли задействовали Китай, то ли вместе всё организовали...

Дедушка Кеша покачал в своем стаканчике дымящийся кофе и после паузы снова заговорил:

– Понятно, что Китай отреагировал. Конечно, они были наготове, а вот наше руководство до последнего момента не верило. Китай ввёл в Россию войска для защиты своих соотечественников. И началась Война, самая жестокая за всю историю. К тому моменту технические средства для ведения боевых действий были развиты уже чрезвычайно, однако, основной боевой силой всё равно оставался человек. Да оно и нынче так... И, наверное, всегда так будет. Потери Китая с самого начала были огромны, да и с нашей стороны, хотя и меньше, всё равно в итоге исчислились тридцатью восемью миллионами... Так вот, противник быстро продвинулся на нашу территорию, захватив практически весь юг страны до Урала и большую часть Сибири. Это ещё Япония не вмешалась, хотя, то и их и уберегло в итоге...

– Ядерные бомбы сбрасывали? – не удержавшись, перебил Коля.

Профессор отрицательно покачал головой.

– Маломощное ядерное оружие использовали как тактическое, а так – нет. Война велась за территорию, а Китаю не хотелось заражать захватываемые земли. Наши же... Наверное, просто не успели. Вообще, всё это продолжалось два месяца, даже меньше... Так вот, когда развязалась эта бойня за Уралом и когда мы уже было перешли в контрнаступление, НАТО, которое к тому моменту существовало уже лишь на бумаге, вдруг объединилось и начало войну против России с Запада. И арабы напряглись, размышляя, то ли вмешаться, то ли подождать.

– Так это как?! – воскликнул Коля, разгорячённый рассказом, – так это ж!!!...

– Да, друг мой, – спокойно кивнул профессор. – Мы тогда думали, что это конец.

– А я, то есть он... – Коля запнулся, в волнении уставившись на профессора.

Но раньше, чем Коля успел сформулировать вопрос, дедушка Кеша ответил:

– Ты, тот, который остался... Вы уехали. То есть, ты увёз семью...

– В деревню к Анькиной бабке?

– Да, – кивнул профессор. – А потом ты вернулся в Москву и пришёл в военкомат.

– Я?!

Это было очень не похоже... на него, на Колю. На того Кольку Афанасьева, который остался там... и который существовал здесь до сегодняшнего утра. Вернуться, чтобы пойти на фронт? Бросить семью... Ладно, вылезти из безопасного места, чтобы пойти на войну?

– Ты изменился, Коля, – мягко сказал дедушка Кеша и похлопал его по плечу. – Ещё тогда. После встречи с тобой вторым, который написал письмо. Удивительная штука получилась, да?

– Ладно, дедушка Кеша, – Коля смущенно нахмурился, – что там дальше-то с Войной?

Профессор пожал плечами, мол, дальше, так дальше.

– А дальше Китай остановил наступление на Россию и перешел на нашу сторону в войне с Европой. И всё закончилось. С тех пор, если посмотришь на карту России, вся Западная Сибирь заштрихованная. Она с тех пор находится под общей юрисдикцией с Китаем.

– Чё? – Коля реально опешил.

– Ну, вот так заморозили конфликт. Надо сказать, с тех пор обе стороны ведут себя предельно этично, прямо-таки по ван Зайчику... ой, прости, ты же не читал... В общем, мир изрядно перекроился с «нулевых».

Какое-то время шли молча.

Вот как странно... Коля теперь знал о Войне, но только со слов. В боях участвовал тот, другой. Тот рядовой Николай Афанасьев пошёл на фронт...

– Дедушка Кеша, а я... – Коля замялся, не смог сразу сказать.

– Нет, – профессор по-доброму усмехнулся и покачал головой, – нет. Ты не погиб. Правда, и героем не стал. Провёл несколько месяцев в танковой части, в ремонтном взводе. А потом вернулся домой и забрал семью. Всех трёх своих... Коля!

А тот остановился и зажмурился. На ресницах блестели слёзы.

– Я сейчас... – проговорил он и всхлипнул. – Сейчас... Ты говори, что там дальше...

Дедушка Кеша взял Колю за локоть и, увлекая неспешно вперед, продолжил рассказ:

– Прямо перед тем, как вмешалась Европа, а ситуация тогда казалась совсем критической, и все уже были готовы к ядерной войне, мы, наконец, закончили разработку орбитальной залповой системы «Прометей». Бить эта штука могла хоть из-за Луны. Мы тогда первые такую сделали...

– Дай угадаю, – вдруг сказал Коля. – Хиросима и Нагасаки?

– Да, только Париж.

Коля оцепенел.

– Да, Коля. Первая в истории орбитальная бомбардировка. Хорошо хоть хватило ума и этики французов предупредить, чтобы население эвакуировали.

– В смысле? Мы их предупредили, что будем бомбить?

– Да, предупредили. Настолько были уверены, что никакие ПВО их не защитят. Так и случилось.

– А чего китайцев сперва не разбомбили?

– А вот как только монтаж и настройку «Громовержца» закончили, так и ударили. Сразу же. Это случилось на третий день после вторжения сил НАТО. И на второй после объявления Китаем о прекращении боевых действий в Сибири и создании военного блока с Россией. И это был предпоследний день Войны. Следующим вечером в Тегеране был подписан мирный договор. Потом ещё согласовывали контрибуцию... Но это так уже, без фанатизма. Хотя, китайцы тогда всё-таки успели приобрести контроль над интересными активами. Опять-таки, по-китайски: получив контроль, но не вмешиваясь в суть.

– А потом? – нетерпеливо спросил Коля, невоспитанно дергая дедушку Кешу за рукав.

– Ой, Коля, – тот отмахнулся, – да много чего потом. Мы с Китаем начали такую дружбу-любовь, что до сих пор взаимные чувства порою пересиливают здравый смысл, особенно с нашей стороны. Оттуда же и мода на китайские имена. Блок НАТО окончательно распался. Но Европа в последнее время опять набрала силу, а с другой стороны, воспоминания о Войне потеряли остроту, так что с ней всё более или менее пока спокойненько... Вот только на месте Эйфелевой башни так и осталась воронка.

* * *

Ник вертелся под ногами и тявкал. Коля, как мог, постарался обрызгать щенка, но руки уже почти высохли, так что особо было нечем.

А щеночек-то вытянулся, лапами потяжелел. Вроде как неделю назад всего тут появился, в один день с тёзкой из прошлого, а уже пусть немножко, но всё-таки подросток. Да и сам Коля, пусть немножко, но всё же. Уже третий день он вставал в шесть утра, чтобы сделать зарядку вместе с Петром Робертовичем. Ну, то есть, зарядку – это слабо сказано. Двадцать минут на разогрев, а потом час жёсткой функциональной тренировки! Затем десять минут плавания для расслабления мышц и потом ещё двадцатиминутный урок гребли. В восемь завтрак, а после получасовая прогулка вдоль реки. Вчера, например, с Ли Сы выгуливались. А неплохой парень, надо сказать, хоть и зануда. В отличие от Милены, которая разбиралась реально во многом, Ли Сы был повернут только на науке. Но когда он говорил о мозгах, хотелось слушать и слушать! О мозгах говорил он ярко, интересно, увлечённо и просто!

Опять же, в отличие от Милены, москвички из богатой семьи, Ли Сы происходил из какой-то сибирской деревни, но вот сумел выбиться, получить отличное образование, выбиться в люди. Да ещё и попасть в ближний круг *самого* Иннокентия Аристарховича Филатова.

В общем, парень был такой общительный, хотя тем для общения оказалось немного. Коля так и не смог его заинтересовать ни разговорами о прошлом, о начале века, ни о тачках... А потом... Хотя, не потом, скорее, это произошло вечером того дня, когда дедушка Кеша передал ему письмо от того, «разбуженного» в две тысячи пятнадцатом. Так вот, Коля вдруг понял, что с ним самим говорить не о чем. Так-то всегда, вроде, было о чём потрепаться и дома с Анькой, и на работе с мужиками, а уж с девками всякими он себе вообще соловьём казался. А тут – раз! И нечем собеседника увлечь. Не то чтобы Колю это напрягало... хотя, нет, всё-таки напрягало. В первую очередь, конечно, Милена. От неё реально начинало сносить голову. А он... он ей уже рассказал всё, что мог и что знал. Нет, они так же гуляли, ещё раз съездили в Москву позавчера, вроде как всегда находилось, о чём поговорить. Но как раз позавчера Коля как-то вдруг уловил, что и в прогулке, и в беседе, да вообще во всём тон задаёт Милена. Ненавязчиво, как будто всё само собой. Но Коля задумался. И стало... Раньше бы стало обидно, а сейчас – неловко.

Да, сильно за неделю – не сказать, конечно, что Коля изменился, но мозги реально развернулись. Да, прав был тот, из две тысячи пятнадцатого. Во всём прав. Кроме сигарет, конечно. Если две-три в день, это более или менее ничего, физкультуре не мешает. А на ночь на веранде затянуться со стаканчиком пивасика, это в охоточку. А ещё под Пушкина (пока это была единственная Колина книга здесь, но он как-то даже увлёкся) – засыпалось вообще отлично. Уже касаясь головой подушки, вспоминал Аньку с Машкой и, неожиданно для себя, Василису, которую видел только на фотке, но сразу полюбил. А потом отключался, чтобы проснуться по будильнику в шесть и в половине седьмого уже быть на улице для физкультуры.

Вчера, кстати, ливень шел утром, но этому жизнерадостному старикану-физкультурнику всё пофиг. Реально железный человек! Коля было помямлил, что под дождём как бы не сильно полезно может оказаться, надо дожидаться врачей и посоветоваться, а то мало ли что. Но Пётр Робертович заявил, что даже если Коля сдохнет, то у дедушки Кешки полный шкаф запасных Колей, поэтому будем тренироваться и искать предел выживаемости в плохих погодных условиях. А грозы в начале мая, мол, вообще приводят Кешку (так и сказал – Кешку) в благостное расположение духа, поэтому, если что, может, Колю не сразу в реку выбросят, а попробуют подлечить. Мозги-то уж точно.

Но последствия физкультуры под дождем оказались самые здоровые. Во время прогулки с Ли Сы мышцы приятно болели, история о строении таламуса (это такая хрень в мозгах, которая распределяет информацию от органов чувств к коре), казалась очень увлекательной.

– Ли Сы, – вдруг перебил Коля, – а у тебя девушка есть?

Ли Сы улыбнулся грустно, как Пьеро из кино про Буратину.

– Я ухаживаю за одной девушкой, – сказал он смущённо, – но пока без взаимности. Он принимает ухаживания, но дистанция между нами велика и никак не сокращается.

Всё понятно. Хотя, не всё понятно. По нынешним меркам, как Коля уже успел разобраться, если у мужчины есть работа, любая, он уже жених хоть куда. А у Ли Сы не просто работа, и не любая, а очень крутая, и по логике за ним должен быть шлейф из девок. Но вот этой чувырле, которая «принимает ухаживания» с дистанции, наверное, какой-то супер-пупер мега-мачо нужен, а не этот худой задрипыш. Высокий, правда, но они тут все какие-то высокие, вся Москва. Но чувырла – дура, Коле она не понравилась. Ли Сы, правда, показал фотку (теперешние фотки – это когда прямо в воздухе появляется качественное «три дэ»), ну так, ничего... Странно, что Ли Сы на Милену не запал, она ж совсем рядом... Хотя, конечно, хрен там разберёшь, кто на кого и почему западает.

Да и сама Милена... за ней-то уж точно очередь такая... Специфическая очередь, качественная. Ну, обыкновенные же мужики понимают, что такая девушка им не светит. Фигура, внешность, лёгкий характер, юмор, интеллект – идеал! Да ещё из богатой семьи, да ещё и кандидат наук с крутой работой. Вообще нереально. Короче, девяносто девять процентов мужиков на Земле – сразу без шансов. По определению. Даже просто познакомиться. А вот смотри-ка – всё равно ни с кем не встречается. А Коля... С каждым днём он всё больше осознает, что его шансы стремятся к нулю, но каждый день, особенно с началом физкультурных занятий, у него появляется всё больше решимости. Она рядом, и у него... Вдруг вспомнилось из дурацкой комедии: «У меня есть шанс?» «Один на миллион». «Ура!!! У меня есть шанс!!!».

– А как ты за ней ухаживаешь? – серьёзно спросил Коля.

Ли Сы немного нахмурился, как будто не понял вопроса.

– Ну как... Как все. Мы живём рядом, поэтому я после работы ей иногда цветы приношу.

– Она хоть чаю приглашает тебя войти выпить?

– Не-ет, – Ли Сы улыбнулся, – я ей букеты просто в корзине у входа оставляю. Но иногда мы ужинаем в ресторане. Ой, а однажды в театр ходили! Ей, правда, не очень понравилось... Вроде... Я ещё пригласил её танцами вместе заниматься...

– Ты! – вдруг воскликнул Коля, резко развернувшись и чуть не облив собеседника кофе (ну, традиция такая – чуть не обливать). – Ты! Занимаешься! Танцами!

– Да, – немного испуганно и окончательно смутившись, кивнул Ли Сы. – Нет, я ещё фехтованием...

– Короче, Склифасовский. Научишь меня танцевать? Только чтоб Миленка не знала. **ОЧЕНЬ НАДО!!!**

Ли Сы обрадовался и согласился.

– И ты это, – продолжил Коля, по-отечески положив руку Ли Сы на плечо, хотя несуразно получилось, Ли Сы повыше был, – пусть Робертович тебя рукопашке научит.

– Прости?

– Рукопашному бою.

– Это ещё зачем? – Ли Сы немного даже отшатнулся.

– Я это недавно просёк, – продолжил Коля. – Ну, тут времени-то подумать дофига. Вспоминал, какие люди к нам на сервис приезжали... Удивительно даже, сколько всего просто так в голове отложилось... Так вот, был один рукопашник, экс-какой-то там чемпион, а сейчас... ох... а *тогда* – инструктор по рукопашному бою. Так у него во взгляде такой металл был, что до костей пробирало. Уверенность в себе такая мужская. То, что девк... девушки любят. Я это с Робертовичем перетёр, он идею одобрил, мне сказал, через пару месяцев начнём учиться, когда тело в порядок приведём физкультурой. Так что ты, это... короче, велкам! Присоединяйся! А чё? Помесим рожу друг другу, и на танцы!

После обеда Милена и Ли Сы уехали в Москву в свой НИИ, обещали вернуться к вечеру, если сложится. Вернуться, кстати, сложилось, только Милене потом пришлось опять улететь. Ещё перед отъездом, сразу после обеда, Ли Сы предложил Коле посмотреть виртуальную экскурсию по Германии. С какого перепугу он про Германию вспомнил, до Коли дошло лишь следующим утром, а поначалу такой заход показался более чем странным. Ну, хотя, взялись повышать культурный уровень автослесаря из дремучих «нулевых», ну так давайте, мы не против. Спасибо ещё, что в такой ненавязчивой форме.

Вообще-то кино Коле давали смотреть раз в день, а то и два раза, только всё это были боевики и прочее развлекалово. Правда, надо сказать, развлекалово качественное. Да ещё и на третьем пси-уровне, вообще крышеснос! Короче, включили кино про Германию. Так, на полчаса. Сказали, если понравится, ещё такое будут включать. А нормально так оказалось, интересненько. Главное, как будто сам побывал! Реальность – полное погружение. Коля шагал по улицам Кёльна, погулял в Линце, а в Висбадене даже искупался в бассейне на крыше дома, причём зимой – ты плаваешь, над поверхностью воды поднимается пар, а под тобой старый немецкий город. А потом было казино. Там ещё сцену такую показали – русская тётка вошла в азарт и спустила кучу денег! Причём, антураж такой сделали, века девятнадцатого, наверное. Коля аж распереживался за эту тётку, вроде даже орать на неё пытался, мол, хватит, дура, остановись. А в конце показали табличку в этом казино. Там на немецком языке было написано, что здесь, прямо в этом самом месте, русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский проиграл все свои деньги, и чтобы расплатиться с кредиторами, написал роман «Игрок».

К вечеру пошёл дождь. Основательный, тяжёлый, надолго. Коля отправился вниз, стрельнуть что-нибудь перекусить у Пекиныча, и столкнулся на лестнице с Петром Робертовичем.

– Николай, – сказал Петр Робертович серьёзно, перегорев Коле дорогу, – я одно место знаю, там цветы полевые. Километра три с половиной отсюда. Если бегом, до ужина успеем. Ну как, нужен букетик?

Коля посмотрел в окно на дождь, хлеставший по реке, по траве и по окнам, и хлопнул Петра Робертовича по плечу.

– Отличная идея! Кто вы были по званию?

– Был? – Пётр Робертович расплылся в улыбке. – Полковник Шереметьев, позывной «Бриз»! – Петр Робертович выпрямился и щелкнул каблуками. Вроде в кроссовках был, а так захватски получилось, красота! – Через десять минут у выхода в спортивном обмундировании, курсант!

И исчез. Просто как в воздухе растворился.

Ну, и побежали.

Одежда не пропускала воду, но майка и штаны были свободные, и влага проникала повсюду и отовсюду, и уже через пять минут Коля стал весь мокрый. Однако полковник с самого начала задал такой темп, что холодная вода оказалась скорее благом. Небо нависало тучами и, несмотря на дневное время, было темно, как в сумерки. Вдали, где-то у Москвы, сверкали молнии, а потом небо грохотало – громко, раскатисто. И какие бы ни развились сейчас технологии, какие бы ни изобрели материалы для спортивной одежды, – бежать было тяжело, мокро и скользко. По молодой траве, в которой подчас не видно ямок, кочек и упавших веток. Так было всегда, и сто лет назад, и тысячу. Так бегали в детстве под дождём... Только вот сейчас мама не выглянет в окошко, чтобы крикнуть: «Коля, немедленно домой!». Нет, сейчас нужно просто бежать. Быстро, чтобы не отстать, и размеренно, чтобы не сбилось дыхание. Так, как учил полковник на тренировках. И в этот момент вдруг показалось, что нет ничего – ни прошлого, ни будущего. Только он и полковник, и чёрное небо, и ливень... И где-то впереди цветы для любимой.

«Бриз» остановился неожиданно, и Коля чуть было не влетел ему в спину. Вот теперь дыхание сбилось, из горла пошёл хрип, и Коля повалился на траву. И мир в этот момент стал простым и понятным. Вот он, Коля, вот полковник, вот три жиденьких кустика со съёжившимися от дождя белыми бутончиками, вот дождь. И совсем рядом, в трёх с небольшим километрах, любимая девушка, близкая и почти родная. И ещё несколько очень близких людей. И где-то почти в ста годах позади другой Коля, совсем другой, со своей семьёй, своими радостями и печалью, и со своими близкими людьми. Осознанно или неосознанно, но по-настоящему близкими и родными. И этот, нынешний, Коля всегда будет по ним скучать и всегда будет помнить их... Их глаза и голоса, интонации и жесты, слова и то, что между слов, их запахи и прикосновения, и их общие радости и печали. И в его сердце всегда будет уголочек, в котором все они остались с ним. Насовсем. И ещё тот, который написал: «Я никогда так сильно не хотел ЖИТЬ!». А сейчас есть он, нынешний, настоящий. В другом времени, в другом мире. И теперь это его время, его мир и его жизнь. Теперь это и есть настоящее. А будущее... оно совсем неизвестное, неопределённое. Только в этот раз Коля точно постарается, чтобы это будущее было светлым, интересным и ярким – для его близких и для него самого. Именно в такой последовательности.

– Тебе будильник на сколько завести? – полковник рывкнул прямо в ухо, и Коля подскочил от неожиданности.

– Полковник, – всё ещё тяжело дыша, произнес он, – знаете, почему люди вздрагивают?

– Труссы, потому и вздрагивают! Мне цветы только сорвать за тебя или подарить тоже?

Коля сделал несколько шагов вперёд и, прежде, чем надломить мокрые стебли, провёл ладонью по съёжившимся белым бутончикам.

Казалось, обратно бежать будет легко. Пусть опять по мокрой скользкой траве, под чёрным небом, сквозь тяжёлый ливень. Но мир теперь такой ясный, и всё понятно, и на душе так светло! Но бежать было тяжело. Коля ещё больше скользил и спотыкался, раз упал и больно ударился плечом. Дыхание превратилось в сбивчивое сипение, а потом просто в надрывный скулёж. Но он топал, прижимая к груди под майкой несколько весенних цветов. Переставлять ноги было тяжело, потом ещё тяжелее, а потом совсем невозможно. Но привалов полковник не делал.

Милену Коля заметил метров с двухсот. Она стояла у порога в плаще, перехваченном в талии изящным ремешком, на каблучках, под зонтом. Рядом с домом покачивался её паластрум.

Коля перешёл на шаг, но даже идти было тяжело. Когда дотащился до дома, полковник хлопнул его по плечу и быстро вошёл внутрь. Коля остановился рядом с Миленой, совсем близко. На каблучках она была чуть выше него, но смотрела из-под ресниц, как будто снизу вверх. И улыбалась, как всегда, мило и почему-то немного застенчиво. А Коля так и стоял, прижав руки к груди. Девушка первая прервала паузу:

– Я тебя ждала... – она немного запнулась, а Коля замер, как будто боясь вымолвить слово. – Мне нужно уехать... Ненадолго, на несколько дней... – Она опять помолчала, а потом добавила: – Это по работе.

– А я... – просипел Коля. – Вот...

Он неловко задрал майку и осторожно отлепил от мокрого тела цветы. А потом одной рукой взял зонтик девушки, нечаянно коснувшись рукой её плеча. Милена осторожно взяла цветы в руки, попробовала понюхать, и на её носу смешно заблестели несколько капель.

– Спасибо, – прошептала она, чмокнула Колю в щёку и запрыгнула с свой паластрум, услужливо распахнувший дверцу, как только она приблизилась.

Милена уехала, Коля остался, и вернулась реальность – чёрное небо, тяжёлый ливень, сбившееся дыхание, а с ними ещё и опасение простудиться и заболеть. Коля закрыл зонт и пошёл домой.

* * *

Июнь выдался тёплым и солнечным. Иногда что-то моросило, но лишь несколько раз ставшие традиционными завтраки на берегу пришлось переносить в дом из-за непогоды. Только профессор иногда поднывал, мол, скучает по майским грозам, а их в этом году не случилось в том количестве, которое позволило бы ими насладиться без ощущения недосказанности.

Колина жизнь на даче вызывала у него то же чувство недосказанности. Все устаканилось, хотя было понятно, что на время, только никто не знал, как надолго.

В шесть утра подъем, с шести тридцати до семи физкультура с Петром Робертовичем, через полчаса завтрак и потом прогулка вдоль реки за увлекательной и познавательной беседой, потом чтение или научно-популярный фильм. В одиннадцать опять физкультура, только на этот раз жёсткая функциональная тренировка. Потом обед, потом опять чтение и кино, потом час рукопашного боя, ну, и ужин-беседы-прогулки-сон.

Читал Коля много и разное. Ещё в тот вечер, когда подарил Милене собранный для неё букет, он в комнате обнаружил книгу «Игрок». Ну, и как-то пришлось в охоточку после того фильма про Висбаден, и зачитался тогда до утра, ну вот так как-то и втянулся. Подсовывали ему книги разные, но пока времени не нашлось ни на что, кроме русских писателей «Золотого века». За месяц перечитал многих. Кроме Толстого. Ну, не шёл Лев Николаевич, и всё тут! Да ну и ладно, из без него было чем увлечься. И ведь реально увлёкся!

А вот фильмы смотрел все, какие рекомендовали. От сериала «Эволюция» о теории Дарвина до всяких там про Вселенную или про элементарные частицы. Особенно увлекательно было про теорию относительности, квантовую механику и потом про теорию суперструн, которую сначала доказали, потом опровергли, потом придумали новую, а название оставили старое, потому что суперструны, как выяснилось, всё-таки были, но совсем не такие, как о них думали сто лет назад.

Кстати, об элементарных частицах. В середине века, наконец, человечеству удалось обуздать многие «фишки» квантовой физики, в том числе «запутанные» частицы. Это такие

частицы, которые ведут себя одинаково или связаны на любом расстоянии. То есть, например, есть два «запутанных» фотона. Меняешь спин (кто не знает, потом, сейчас долго объяснять) одного, тут же меняется спин второго, на каком бы расстоянии они ни находились. Почему так происходит, Коля так и не понял, но это непонимание не отменяло факта – это реально работало. Связь, в которой применялась эта технология, была мгновенной вне зависимости от расстояний, даже быстрее скорости света (а, как Коля выяснил только сейчас, даже от Солнца до Земли свет идёт восемь минут, хотя, наверное, в школе это проходили). И прослушать переговоры между такими устройствами было невозможно в принципе, потому что никакой сигнал между ними не передавался. Устройства связи на «запутанных» частицах были очень дорогие. Простая рация на таких частицах, «запка», стоила как три элитных пинга.

Так вот, у дедушки Кеши был флекс на такой штуке (как планшет, только тонкий и гибкий, будто лист плотной бумаги, и ещё он мог выводить изображение, как телек). В Сеть Коле доступ не давали по понятным причинам: чтобы не привлекать внимание вновь появившимся потоком запросов с дачи. Жизнь профессора и так была предметом пристального внимания всех спецслужб мира. Но дедушка Кеша выдал Коле зап-флекс, у себя в НИИ скачивал то, что Коля просил, и быстро скидывал ему.

Вот ещё что. Когда Милена отлучалась, Ли Сы учил Колю танцам, Пётр Аркадьевич – управляться с лодкой, а потом с яхтой, а Пекиныч – готовить.

Зато когда она была дома!.. Они гуляли, говорили обо всём, вместе смотрели фильмы, обсуждали книги, пили кофе на берегу. Милена взахлёб рассказывала об устройстве мозга, а Коля – о пневмоподвеске! Иногда он, прокручивая день, не мог досконально вспомнить, чем они занимались, о чём беседовали, но ощущение праздника было ярким и полным! Хотя и с пресловутым чувством недосказанности.

Ясно же, что Милена по меркам нынешнего мира – звезда! Молодая, безумно красивая, из богатой семьи, при этом умная, с прекрасной работой, очень высокооплачиваемой, рядом с *самим*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.